

СИНЯВСКАЯ ЛАНА

НОЧНОЙ КРИК

Синявская Лана - участница телевизионного проекта
"Битва экстрасенсов"

Лана Синявская

Ночной крик

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=425902

Аннотация

Отдых на лоне природы. Фрукты-овощи, парное молочко. Ага, знала бы Вика – во что это выльется! Похоже, вся нечисть мира облюбовала эту тихую деревеньку. Выжить в такой компании проблематично. Но она попытается. А как же «курортный роман»? Будет и роман. Может быть...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	27
Глава 6	33
Глава 7	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Лана Синявская НОЧНОЙ КРИК

Дорогие читатели!

Герои моих книг не всегда вежёт,
но они никогда не сдаются и побеждают!

Желаю Вам встретить свою удачу и
подружиться с ней. Она давно Вас ждёт
(я узнавала 😊)!

С искренней любовью
Ваша Лана Синявская

октябрь 2010

Лан.

Глава 1

– Ты не можешь так поступить со мной, Вика! Ты же меня на камни бросаешь!
Прежде чем ответить, Вика сосчитала до десяти и только после этого мягко произнесла:

– Вовсе нет. Я всего лишь уйду в отпуск.

– Вот об этом я и говорю, – сдавленным голосом воскликнул Филиппыч. – Так внезапно и так невовремя...

Он взмахнул короткими ручками, как будто пытался продемонстрировать, как именно невовремя.

– Насколько я знаю, – пожала плечами Вика, стараясь не дать себе выйти из себя, – у нас это всегда невовремя. Я уже два года не была в отпуске. А что касается внезапности...

– Знаю, знаю, ты принесла мне заявление месяц назад, – поспешно закивал Филиппыч, понимая, что сейчас с Викой лучше не ссориться.

– Вот именно, – поддакнула та.

– Но Вика, солнышко, войди в мое положение! Завтра приезжает эта меге...то есть, я хотел сказать – наш лучший автор, мадам Кулибина! Она потребует рецензию на свою новую книгу. И что я ей скажу?

– Говорить вам ничего не придется, – Вика была готова ко всему, – отзывы рецензентов и мое подробное резюме – у вас на столе.

– Но там написано, что концовка никуда не годится и все нужно переделать! – С обидой в голосе возопил Филиппыч: горестно воздев руки к недавно побеленному редакционному потолку.

– Ага. Именно это там и написано, – весело откликнулась Вика.

– Но не могу же я сказать Ей об этом. Она же меня... Она же наш самый лучший автор...наш самый многотиражный автор, – поспешно поправился он, заметив как Вика скривилась.

– Может, пора подыскать кого-то другого на эту почетную роль? – вкрадчиво осведомилась Вика, сосредоточенно пытаясь заправить за ухо выбившуюся русую прядь.

– Об этом и речи быть не может, – отмахнулся Филиппыч. – А вот если бы ты отложила свой отпуск...– он взглянул на нее заискивающе. Но Вика была непреклонна.

– Ни за что! Ближайший месяц вам придется самому сражаться с вашей любимицей. Ваш Цербер, на которого можно свалить всю грязную работу с авторами, отправляется на заслуженный отдых ровно до...– она мельком глянула на висевший на стене календарь с портретом той самой писательницы, усмехнулась и закончила более уверенно: – до двадцать четвертого июля.

Филиппыч застонал.

– Ничего, ничего, – подбодрила его девушка, – не все вам их по ресторанам возить и распевать дифирамбы их таланту, в некоторых случаях – весьма сомнительному. – Она потянулась за сумочкой и, ухватив ее за тонкий ремешок, обернулась:

– Только не дайте ей запугать себя. Эта дама вспыльчива до крайности, упряма и капризна. Не идите у нее на поводу – и все будет в порядке.

– Спасибо за поддержку, – кисло откликнулся Викин шеф, нервно подергав себя за кончик носа. Нос немедленно покраснел и Вика, взглянув на отчаянное лицо Филиппыча, едва не передумала. Заметив, что она медлит с уходом, Филиппыч воспрял. В глазах его мелькнула надежда. Но Вика вовремя спохватилась.

– Ну, я поехала домой. Мне еще нужно собрать вещи, – преувеличенно деловито сообщила она.

- Вика!
- Ну что еще? Не делайте вид, будто я совершаю преступление.
- Ну что ты, я тебя не виню. Ты делаешь для издательства так много...
- Добрая Вика, всеобщая палочка-выручалочка, – пробормотала девушка неодобрительно.
- Да, если тебе так угодно.
- Мне угодно отправиться в отпуск. – Отчеканила Вика. – А вы остаетесь сражаться с мадам Кулибиной.

Хлопнув дверь, она побежала вниз по лестнице, радуясь, что сумела – может быть, впервые в жизни – настоять на своем. Теперь у нее впереди почти целый месяц свободы, а с Филиппычем за это время ничего страшного не случится, если он, тряхнув стариной, поработает немного кое с кем из наводящих на редакцию ужас дам-романисток.

* * *

Вика бухнула тяжеленный чемодан в дорожную пыль и уселась на него верхом. Ее ситцевый сарафан промок насквозь, со лба градом катил пот. Она смахнула его тыльной стороной руки. Да, долгожданная свобода пока что поворачивалась к ней не лучшей своей стороной. Кто же мог знать, что станция окажется так далеко от деревни? Подруга, которая посоветовала Вике снять здесь домик, говорила, что тут до всего рукой подать. Хорошо ей говорить, имея в своем распоряжении мужнин «Мерседес» с шофером. Вика ничего подобного в наличии не имела, даже на старенькие «Жигули» пока не заработала, хотя уже три года вкалывала, не разгибаясь, причем в приличном издательстве, и должность имела не последнюю.

Солнце клонилось к западу, но все равно палило нещадно. Даже сидя, Вика обливалась потом и с трудом вдыхала раскаленный пыльный воздух. Внизу, у подножия холма, раскинулась деревня Константиновка. Крыши домов тонули в густой зелени деревьев, над парой-тройкой труб вился дымок. Чуть дальше, между лугом и рощицей, струилась река, ловко огибая опоры старого деревянного моста. Благодать!

Идиллический пейзаж несколько портили белые, похожие друг на друга словно близнецы, массивные коттеджи, которые теснились на опушке леса, словно стесняясь своей безвкусной роскоши. Вика усмехнулась. В рай пожаловали варвары. Этим-то станция ни к чему. Их доставляют до места с ветерком кондиционированные авто. Ну и пусть. Она упрямо нахмурила брови. Слава богу, богатеньких здесь пока не слишком много, хотя местечко, почти нетронутое цивилизацией и потому сохранившее свою первозданную чистоту, уже стало пользоваться бешеной популярностью. Участки в Константиновке если и продавались, то стоили бешеных денег, а снять на лето домик и вовсе было почти что чудом. Подруга так и сказала: "Повезло!" Вика в то, что "повезло", почему-то поверила сразу и даже не стала ехать и проверять свое везение.

И вот сейчас она сидела верхом на чемодане и старалась набраться духу, чтобы преодолеть вторую половину пути. Приподняв чемодан, она взглянула на него с сомнением: когда это она успела набить его кирпичами? Не может быть, чтобы ворох летних тряпок весил так много. Но делать было нечего, и Вика, кряхтя, поволокла свою ношу под горку.

К концу пути Виктория представляла из себя жалкое зрелище: волосы прилипли к лоснящимся от пота щекам, на сарафане проступили некрасивые мокрые пятна, к тому же, он лип к телу, словно девушка по пути искупнулась в несвежем водоеме. Передвигалась она в положении "сикось-накось", перекосившись на левую сторону под тяжестью чемодана. В уме она уже составила список вещей, которые следовало бы оставить дома. Список был длинный.

Любопытные пейзажи, глазающие на нее из-за забора с нескрываемым любопытством, только подливали масла в огонь. Вика, которая всегда гордилась своим безупречно опрятным видом и превосходной осанкой, на сей раз была противна даже самой себе и старательно смотрела себе под ноги, пряча покрасневшее лицо.

У высокого забора, заросшего жимолостью, она выдохлась. У нее закончилось не только первое, но и второе дыхание. Сейчас ей было глубоко плевать даже на соседство глянцево блестящих на солнце иномарок в количестве четырех штук, которые на деревенской улице выглядели не совсем уместно. Впрочем, дом, возле которого они были припаркованы, так же отличался от остальных избенок, как павлин от жителей курятника. Вика с интересом оглядела дом и пришла к выводу, что "павлин" выглядит не слишком-то здоровым и возраст имеет весьма солидный. Он явно требовал ремонта и Вика с удивлением покосилась в сторону шеренги машин. Шестисотый «Мерс», «Джип», «Рено» и «Фольксваген». Судя по всему, денежки тут водились. Да и сам особнячок, должно быть, стоил кругленькую сумму. Интересно, почему его хозяева не озаботились хотя бы косметическим ремонтом? Право слово, он того стоил. Вике грустно было смотреть на фасад заброшенного дома с заросшими лужайками, клумбами, захваченными сорной травой и шиповником, облезшей краской на стенах. Она вдруг спохватилась, что застряла в этом месте слишком надолго и воровато оглянулась, чтобы проверить, не наблюдает ли кто-нибудь за ее неприличным любопытством.

Словно накликала.

– Эй, девушка, чего вы там возитесь? – резко окликнул ее грубый голос, когда она нагнулась, чтобы приподнять ненавистный чемодан.

– Что? – Встрепнулась она, пошарила глазами, пытаясь обнаружить обладателя голоса, и, наконец, обнаружила на полускрытом от нее кустами сирени крыльце весьма недовольного гражданина. Его глаза цвета жидкого кофе смотрели на нее слегка туманно и не очень отчетливо, но при этом весьма недовольно. Этот мутный взгляд удачно сочетался с недоразвитой неопределенностью тучного лица и рыхлой фигурой, упакованной, несмотря на адскую жару, в шикарную тройку. Этот тип привык командовать и, очевидно, ожидал, что Вика исчезнет сей же момент, повинаясь его приказу.

Вика и рада была бы исчезнуть, но сделать это быстро не могла при всем желании – из-за чемодана, естественно, ни дна бы ему ни покрывши. Неловко извинившись, она поволокла свою ношу в сторону, чувствуя спиной все тот же недовольный взгляд.

Неожиданно хлопнула позади калитка и Вика нервно вздрогнула. Обернувшись, она увидела совсем не то, что ожидала: от злополучного дома к ней спешил импозантный красавец, что называется, в летах, в отличие от первого – подтянутый и улыбающийся.

– Какой сюрприз! – воскликнул он так радушно, что Вика заозиралась, думая, что слова обращены не к ней. Но тип так и ел ее глазами, а руку уже тянул к ее чемодану, пытаясь вытащить ручку из ее онемевших пальцев.

– Позвольте вам помочь, прелестная фея, – галантно предложил он, завладев ее поклажей и держа ее на весу с изящной небрежностью. – Куда прикажете доставить багаж?

Вика нашлась не сразу. Она была в недоумении. Обозвать ее феей в нынешнем состоянии мог только сильно близорукий человек и теперь она опасалась, что подойдя ближе, красавец осознает свою ошибку и, чего доброго, швырнет в нее чемоданом.

Но тип продолжал улыбаться, демонстрируя полный набор металлокерамических зубов и масляно блестя глазами. Теперь Вика сообразила, что лицо этого человека ей знакомо. Нет, с ним лично она никогда не общалась, однако не раз видела его лицо по телевизору.

Тип был не абы кто, а известный режиссер, в последнее время находившийся на пике славы. Не успела Вика осознать в полной мере свое открытие, как вслед за ним последовало второе, не менее удивительное. Дело в том, что и первого типа она знала в лицо. То был политик, кажется, депутат и правая рука лидера какой-то серьезной партии. Вика политикой

не интересовалась и узнала его не сразу, а узнав, совсем оробела. И чего это они тут скопились, по соседству? Неужели и остальные – такие же шишки, как эти двое? Этого только не хватало...

– Мадемуазель? – Режиссер – как бишь его фамилия? – попытался обратить на себя Викино внимание.

– Простите, это я от неожиданности, – пробормотала Вика как-то уж совсем по-деревенски, с легкостью входя в роль, хотя в деревне оказалась впервые в жизни.

– Прелестно! Вам идет смущение, дорогая, – покровительственно улыбнулся режиссер с забытой напрочь фамилией, очевидно приняв ее смущение на свой счет.

«Ого! Что-то слишком быстро он стал величать меня "дорогая"», – с неожиданной неприязнью подумала Вика, но заставила себя улыбнуться.

– Я сняла здесь домик на время отпуска, – пояснила она, – но понятия не имею, где он находится.

– Чудно. А номер дома вы помните?

– Конечно. Тринадцать, – с готовностью сообщила девушка, пытаясь незаметно стереть крупную каплю, повисшую на самом кончике носа.

Ловелас удивленно вскинул бровь и спрятал ироническую улыбку в уголках холеных губ.

– Ну что ж, – произнес он, слегка растягивая слова, – мы будем соседями.

Вика с ужасом покосилась на подслеповатый домишко, возле которого они как раз проходили, воровато выглядывающий из-за облезлого, давно не крашеного забора. «Это – мой дом?» – подумала она испуганно.

– Вы будете жить вон там, – показал рукой ее спутник на соседний участок. – Я остановился... хм... погостить в доме номер девять. Значит, тринадцатый – вон тот.

– Это радует, – пробормотала Вика себе под нос с облегчением.

Возле калитки она решительно затормозила.

– Вы позволите занести ваши вещи в дом? – попытался вежливо поднажать режиссер, очевидно, надеясь продолжить знакомство немедленно.

– Спасибо. Я сама. – Покачала головой Вика, стараясь, чтобы ответ прозвучал решительно, но необидно. Режиссер и не обиделся. Ему, избалованному вниманием, и в голову прийти не могло, что кому-то может быть в тягость его общество. Разубеждать его Вика не собиралась.

Режиссер галантно приложился к ручке, заверив девушку, что будет с нетерпением ждать следующей встречи, после чего Вика шустро подхватив чемодан, шмыгнула в калитку.

Возле крыльца ее внезапно осенило:

– Двуреченский! – громко сказала она, вспомнив, наконец, фамилию режиссера. Неожиданно в сенях что-то гроыхнуло. Вика вздрогнула.

– Это еще что за черт? – пробормотала она, только сейчас заметив, что входная дверь полуоткрыта. – Ошиблась я, что ли? – добавила она совсем тихо, опасаясь шагнуть на деревянное крыльцо и не решаясь уйти.

Пока она размышляла, дверь открылась еще шире и Вика увидела молодую женщину, судя по виду – из местных. Нет, дело было вовсе не в ее довольно мешковатой одежде, состоящей из бесформенной вылинявшей юбки ниже колен и такой же простой кофточки с рукавами фонариками. Ее кожа так и лучилась здоровьем – вот что главное. Такого цвета лица – медово-золотистого от загара – живя в городе, вы не получите, даже если будете глотать поливитамины пачками. Женщина была лет на пятнадцать старше Вики, но ее лицо было гладким и очень привлекательным, только, пожалуй, немного худым. Впрочем, это ее не портило, она была очень хорошенькой. Не слишком высокая, светловолосая и голубоглазая.

– Здравствуйте! – первой поздоровалась она приятным голосом, с непривычно-мягким деревенским акцентом.

– Здравствуйте!

Женщина выглядела удивленной, ее взгляд все время перебегал с лица Вики на тяжелый чемодан у ее ног.

– Простите, но я думала, что это дом, который я сняла на лето, – пролепетала Вика, все больше впадая в растерянность. – Наверное, я ошиблась.

– О, нет! Все правильно. Вы, наверное, Вика Стрельцова, да? Как же я сразу не догадалась.

– Так это мой дом? То есть... тогда почему... кто...

Вика запнулась и сглотнула, силясь понять, что делает эта женщина в ее доме? Пусть временно, но этот дом принадлежал ей, и она не рассчитывала, что придется делить его с кем-то еще. Девушка разволновалась так, словно застала незнакомку за чем-то предосудительным и теперь сама испытывала от этого неловкость. Должно быть догадавшись о чувствах девушки, женщина начала быстро краснеть – сначала шея, потом щеки, лоб и уши. Ее руки вцепились в край юбки.

– Извините, я думала... Я не знала, когда именно вы приедете. А Сергей Валентинович попросил меня немного прибраться. Дом-то больше года без хозяев стоял, сами понимаете.

– Так вы, наверное, Катя! – обрадовалась Вика. – Мы с вами говорили по телефону. Договаривались об оплате.

Катя с готовностью кивнула. В ее взгляде промелькнуло облегчение. Краска отхлынула с ее лица. Вика улыбнулась, обрадованная, что все так хорошо разрешилось.

– Я живу в соседнем доме, – кивнула Катя в сторону избы, которая не так давно привела в смятение Вика. – Простите, что не успела прибрать дом как следует, – извинилась она еще раз. – Если я вам понадобится, то...

– Ничего страшного. Я сама справлюсь с тем, что осталось.

Вика перехватила взгляд Кати, исполненный сомнения и подавила улыбку. Ну, конечно, она и забыла, что в глазах этой по-деревенски крепкой женщины, должно быть, выглядит изнеженной бледной куклой, не способной даже воды принести из колодца. Катя не знала, что Вика, с виду тонкая и хрупкая, давно привыкла все делать сама, не чураясь никакой, даже самой тяжелой работы. В прошлом году она, например, сама отремонтировала свою двухкомнатную квартиру, не прибегая к помощи строителей. Друзья говорили, что получилось неплохо.

Катя собралась уходить, напоследок еще раз оглянувшись на дом, как будто ей не хотелось с ним расставаться.

– Простите, а здесь есть какие-нибудь продуктовые магазины? – окликнула ее Вика, вспомнив, что с самого утра ничего не ела.

– Есть, и даже неплохой, – обернулась Катя от калитки. – Только сейчас все закрыто, они до шести работают.

Вика машинально глянула на запястье. Черт, полседьмого. Какая жалость. Придется до утра сложить зубы на полку. Прихватить с собой хотя бы булку она, растяпа, не догадалась. Только пачку чая и галеты. Голодный блеск, должно быть, отразился у Вики в глазах, потому что Катя вдруг взглянула на нее с жалостью и предложила:

– А хотите я вам смородины нарву? Прямо с куста. Крупная в этом году уродилась, сладкая.

– Да вроде неудобно мне вас беспокоить, – замялась Вика.

– Что ж тут неудобного? Своя ягода, не купленная, – улыбнулась Катя. Зубы у нее были замечательные. – Вы чемодан в дом занесите, а дверь можете так оставить – у нас тут воров нету. Кстати, вот вам и ключи.

На Катиной необъятной юбке оказались карманы и она ловко выудила из правого связку ключей, непривычно больших и тяжелых.

– Этот вот – от входной двери, а этот, побольше – от сарая, – пояснила она, передавая связку Вике.

Неловко держа ключи в руке, Вика подхватила чемодан, заволокла его в темные прохладные сени и с облегчением бросила у стены.

Катя ждала ее возле калитки, прислонившись спиной к шершавому стволу какого-то дерева, кажется – груши, и задумчиво покусывала нижнюю губу. Чувствуя необыкновенную легкость, Вика глубоко вдохнула в себя густой пахучий воздух и поспешила ей навстречу.

Каникулы начались!

Глава 2

Таких крупных ягод Вика и впрямь никогда не видела. Разросшийся приземистый куст был весь усыпан спелыми гроздьями.

– Вишь как обсыпало? – небрежно кивнула на куст Катя, сноровисто обрывая смородину ловкими пальцами и пытаясь в то же время отпихнуть ногой вертлявую собачонку, похожую на расшалившегося лисенка.

Вика тоже кивнула, соглашаясь. Она держала перед собой плетеную корзинку, которая слегка царапала голые руки, но Вике это даже нравилось. Смородина росла прямо возле забора, разделяющего два соседних участка. Забор был непростой, не такой, как ожидала увидеть Вика и было понятно, что поставили его богатые Катины соседи. Вокруг стальных прутьев обвился вьюнок. Его розовые цветы, уже полузакрытые, ярко сияли в закатном солнце на фоне темного металла. Соседний сад был как на ладони и сквозь деревья Вика различала очертания большого дома. Сам участок был просто огромен, Вика так и не смогла разглядеть, где же он заканчивается. По всей территории росли деревья, но были ли среди них плодовые, Вика так и не поняла. Зато она хорошо разглядела пруд, он был прямо напротив. Водоем казался искусственным, так как несмотря на весьма внушительные размеры, он все же был меньше даже небольшого озерца – метров двадцать пять-тридцать в диаметре. Пруд Вике совсем не понравился. Так же как и дом, и сад, он был в запущенном состоянии. Но если саду это состояние придавало все же некую дикую прелесть и, так сказать, первозданность, то пруд производил гнетущее впечатление. Вика прищурилась, чтобы разглядеть его получше. Да, похоже, когда-то он выглядел совсем иначе. Может быть, там даже плавали золотые рыбки, а дно было ровным и песчаным. Сейчас... Брр. Сейчас он больше напоминал маленькое болото. Прозрачная когда-то вода стала темной, ее покрыла липкая зеленая ряска, а экзотические декоративные кусты вокруг, остатки которых еще можно было разглядеть, вытеснили менее привлекательные, зато более агрессивные сорняки. Даже со своего места Вика уловила слабый запах тины и застоявшейся воды.

– А кто живет том доме? – с любопытством спросила девушка.

– Актриса одна. Старая, – ответила Катя, как показалось Вике, не слишком охотно. Впрочем, насколько она понимала, деревенские жители и вообще не особенно разговорчивы. Недосуг им лясы точить, работы много. А сельская работа, она все больше в одиночестве делается, с морковкой-капустой или там с огурцами особенно не разговоришься.

– А кто раньше в моем доме жил? – не унималась городская Вика, которой долгое молчание было в новинку.

– Баба Маруся жила, – ответила Катя, не прекращая работы. – Померла года четыре назад. Дом никто покупать не захотел. Боязно после покойника-то. Ты, кстати, печку не вздумай зажигать. Хорошо, что я вспомнила.

– А почему?

– Так баба Маруся от того и померла, что печка разладилась. Угорела она. Зимой дело было. Затопила, да и спать легла, а утром не проснулась. После ее смерти печью заниматься некому было. Так и стоит. Тебе-то печь сейчас без надобности, вон дни какие знойные стоят, я тебя на всякий случай предупредила – мало ли что.

– Спасибо, – поспешно ответила Вика, вскользя подумав о том, что было бы, если бы она затопила печку в ненастный день, не предупреди ее Катя. – Спасибо, – повторила она с чувством. – Вы и за домом приглядели, и про печку тоже, и смородину вот для меня рвете.

– Я ж не за так, – фыркнула Катя, – в смысле – за домом приглядываю. Хозяин разрешил своим участком пользоваться, картошку сажать. Мой-то видишь, какой маленький? Только огурцы с помидорами, да зелень, а больше ничего и не посадишь.

На взгляд Вики, огород у Кати был не такой уж и маленький. Но это с ее, Викиной, точки зрения. Если учесть, что местные жители в основном кормятся со своего огорода, то, пожалуй, да, и вправду маловат.

– Если вам надо, вы заходите, – неловко произнесла Вика.

– Зачем? – искренне удивилась Катя. – За картошкой какой уход? Окучить пару раз – и все дела. Колорадского жука у нас отродясь не водилось, а больше...

– Вот ты где, поганка! – раздалось совсем близко и с той, с чужой стороны из-за кустов вынырнула сухопарая женщина, которую Вика поначалу, пока не разглядела морщинистого лица, приняла за девушку. Собачонка испуганно отскочила на безопасное расстояние, но потом все же заворчала, предупреждая незваную гостью, что если что, она сумеет постоять и за себя и за хозяйку. Та в ее сторону даже не посмотрела. Сверкая густо подведенными глазами, девочка-старушка едва не набросилась на Катю с кулаками:

– Дрянь, воровка, негодяйка! – брызжа слюной, вопила она, потрясая костлявыми руками над головой.

Катя слегка нахмурила брови, но больше никак на эту тираду не отреагировала.

– В чем дело, Софья Аркадьевна? – спросила она ровным голосом, не прекращая обрывать ягоды.

– Она еще спрашивает! – возмущенно воскликнула женщина, обращаясь, за неимением никого другого, к Вике. Девушка от такого напора едва не выронила корзинку, уже почти до краев наполненную смородиной, и попятилась. – Ты, ты браслет скоммуниздила! Больше некому!

– Это тот, что с паучками? – Прищурилась Катя.

– Ага! Призналась!

– Не в чем мне признаваться. Не брала я ничего. А браслет Гаевской я у вас на руке видела. Вот и спросила, о нем ли речь.

– Мне его Ирина сама дала. А ты украла! – взвилась Софья Аркадьевна и так высоко взмахнула руками, что ее платиновый парик съехал набок. В пылу она даже не заметила, насколько комично выглядит, а Вика едва сдержалась, чтобы не хихикнуть. Сдвинутая набекрень шапка чужих волос смотрелась очень забавно.

– Верни браслет, дрянь! – топнула ногой дама. Не рассчитав, она вогнала каблук глубоко в землю и пошатнулась, потеряв равновесие. Собачка весело тявкнула.

– Сказано, не брала я ничего, – отрезала Катя и перешла на другую сторону куста. – А если хотите – идите и жалуйтесь Гаевской. Это ж ее браслет. Пусть в милицию заявит. Или сами заявите. Вот прямо сейчас. Подсказать, в каком доме участковый живет?

– Ах ты... да ты... да я... – от натуги Софья Аркадьевна пошла пятнами, но так и не смогла больше выдать ни слова. Резко развернувшись, она быстро пошла прочь. Ее шпильки зацокали по мощеной дорожке в сторону дома, струной натянутая спина скрылась за густыми ветвями дерева. Рыжая собачонка, осмелев, проводила ее оглушительным звонким лаем.

– Никуда она не пойдет, – спокойно проговорила Катя, вновь подходя к Вике и высыпая в корзинку последнюю пригоршню спелой смородины.

"Почему?" – спросила Вика глазами. Катя, поняв ее невысказанный вопрос, усмехнулась:

– Побоится признаться Гаевской, что взяла браслет без спроса. Эта Софья – та еще штучка, тырит, что плохо лежит без зазрения совести. Вот и теперь – смахнула браслетик, потом посеяла где-то, а может – и вовсе себе решила оставить. Ну, а на меня свалить в случае чего.

– А откуда ты знаешь, что она его без спроса взяла?

– Да кому ж его Ирина даст, сама посуды?

Судить Вике было затруднительно, так как она понятия не имела, что это за Ирина Гаевская. Актриса? Что-то не припоминается такая фамилия.

– Браслет этот Гаевской когда-то поклонник подарил, – продолжала Катя. – Еще когда она звездой была. А она была. И еще какой! Секс-символ – так это сейчас называется. Да ты ее знаешь. Помнишь фильм?

Катя произнесла название знаменитой комедии шестидесятых, которую и по сей день крутят телеканалы, когда хотят повысить рейтинги. И Вика вспомнила. Роль у Гаевской в этом фильме была махонькая и сильно отрицательная. Но даже на фоне знаменитых актеров, любимцев публики, эта платиновая блондинка сумела выделиться, и ее лукавые глаза с черными стрелками еще долго будоражили мужское воображение. Надо же, какое соседство послала ей судьба. Теперь понятно, почему в гостях у Гаевской такие люди: все как на подбор, один другого известнее. Вот и эта Софья наверняка не простая штучка. Тоже какая-нибудь звезда, хоть и с kleptomанскими наклонностями.

– А почему она думает, что сможет свалить пропажу на тебя? – спросила Вика, продолжая думать о Софье и пытаясь угадать кто же она такая.

– Так чего ж проще? Я у Гаевской подрабатываю.

– Да ну?

– Ага. Это теперь так называется. На самом деле – пашу, что твоя лошадь. Я у нее одна – на все руки мастер, – Катя широко улыбнулась.

– Одна в таком огромном доме? Как же ты справляешься? – искренне удивилась Вика.

– Да я привычная. Ты не думай, что у нее всегда столько народу толчется. Наоборот, за все годы в первый раз такое вижу. Гаевская-то больная сильно. Рак у нее был. Все думали – кранты старушке, отбегалась. А она возьми да и поправься. Доктор сказал, такое бывает. Как же оно называется?..

Катя сосредоточенно нахмурила лоб, пытаясь припомнить.

– Ремиссия? – подсказала Вика.

– Точно. Так он и сказал. Ремиссия, говорит, у Ирины Анатольевны. Это вроде как не полное выздоровление, но сколько она протянется – одному Богу известно. Уж года три как, если не ошибаюсь.

– Надо же. – покачала головой Вика. – Чудеса.

– Вот и я говорю. Гаевская-то сюда помирать приехала, когда диагноз свой узнала, а получила вроде как второй шанс. Может, свежий воздух помог или еще что. Только она так и живет затворницей: ни с кем не желает встречаться, в город ездит крайне редко. Ходит с таким смешным старомодным зонтиком – на солнце бывать ей врачи запретили. О ней почти совсем забыли, даже журналисты не интересуются. – Катя бросила быстрый взгляд через ограду и добавила как бы про себя:

– Не знаю, чего это на нее в этот раз нашло? Зачем гостей созвала? Знаешь, она прямо взбодрилась с их приездом.

– Последнее усилие воли. Наверное, она сильная женщина.

– Еще какая сильная. Даже странно, как люди цепляются за жизнь, – задумчиво проговорила Катя и вздохнула:

– Будет мне теперь морока.

Вика поняла последнюю фразу, как вежливый намек на то, что пора бы госте и честь знать. Ей стало неловко. Она и вправду заболталась, точнее, заслушалась. Сердечно поблагодарив Катю за ягоды, она поспешила убраться на свою территорию. Но, как она ни торопилась, а все же успела отметить, во второй раз пересекая двор перед Катиним домом, что изнутри он выглядит гораздо привлекательнее, чем из-за забора – почти весь засаженный цветами, с живописным колодцем в углу, увитым диким виноградом.

Возможно, из-за этого, а может, потому, что уже начали сгущаться сумерки, собственный дом по возвращении показался Вике уже не таким симпатичным. Только сейчас она заметила, что занавески в оконце висели как-то косо, словно отдернутые чьей-то небрежной рукой, а на подоконнике пылится засохший ломкий букет полевых цветов, похожий на скелет крупного насекомого. Легкое беспокойство царапнуло когтистой лапкой изнутри, какое-то нехорошее предчувствие, появившееся неизвестно откуда, но Вика поспешила прогнать непрошенные мысли. Вот еще. Разве не об этом она мечтала, маясь от жары в душном городе? Дом, сад, река и лес. Все это у нее теперь есть и она просто обязана получать удовольствие от сбывшихся желаний. Скорее всего, ее плохое настроение объясняется всего лишь переменой места. Это всегда действовало на Вику угнетающе, даже если она приезжала в хорошо знакомые края. У нее появлялось чувство неуверенности и ощущение, что ее вырвали, точно дерево, вместе с корнями и пересадили на другую почву. Этот дискомфорт пройдет очень скоро, как только она освоится на новом месте.

Повеселев, Вика бодро протопала по мощеной дорожке, превратившейся от старости в поросшую мхом тропу, вьющуюся среди буйных зарослей сорняков. Да-а-а, до аккуратных клумб соседки ее дворику ох как далеко.

Скрипучие ступени крылечка возмущенно заохали под ее тяжестью, но Вика только усмехнулась, исполненная решимости получать удовольствие во что бы то ни стало, и смело вошла в просторные сени, едва не споткнувшись о собственный чемодан.

Изнутри дом показался ей гораздо меньше чем снаружи. Здесь имелась всего одна комната в четыре окна. Правда были еще сени и отгороженная деревянной перегородкой кухонька с двухконфорочной плиткой и большим красным газовым баллоном. Плитка стояла на столе, а рядом, в углу, урчал предусмотрительно включенный Катей пузатенький холодильник "Мир" с тугой стальной ручкой. Вика не поленилась заглянуть внутрь, чтобы убедиться, что ветеран отечественной холодильной промышленности работает исправно.

Вика осторожно опустила корзину с ягодами на угол застеленного клеенкой кухонного стола. Она вновь вспомнила, что проголодалась, точнее, об этом напомнил ее собственный живот, взявшийся передразнивать холодильник. Вика решила приготовить себе чай, но неожиданно обнаружила, что в доме напрочь отсутствует хоть какая-либо кухонная утварь. Ни чашек, ни кастрюль, ни чайника. Прибитый над столом кухонный шкафчик был абсолютно пуст, застеленные пожелтевшей бумагой полки демонстрировали девственную чистоту, так что обосновавшийся в самом углу паучок чувствовал себя весьма вольготно.

Единственная пригодная посуда для чая нашлась в комнате. У Вики сложилось отчего-то стойкое впечатление, что эмалированный тазик служил когда-то собачьей миской. Но ничего другого не было и она решила наплевать на предрассудки. Завтра она первым делом отправится в магазин и приобретет все необходимое, а сегодня воспользуется тем, что есть, как настоящая авантюристка.

Во дворе отыскалась ржавая труба с вентилем, из которой текла холодная и чистая вода. Вика старательно и долго терла миску под ледяной струей, пока не сочла, что она достаточно пригодна для приготовления пищи.

Некоторое время спустя она, примостившись на краешке кровати, с огромным наслаждением пила обжигающий, невероятно вкусный чай, закусывая его смородиной – немой! – прямо из корзинки и наблюдая, как к потолку поднимается пар, похожий на доброе привидение. Скажи ей кто-нибудь пару месяцев назад, что она будет готовить себе чай в собачьей миске и при этом радоваться, она бы страшно этому поразилась. А теперь думала, что жизнь в городе со всеми удобствами развращает и такие вот развороты, возможно, на пользу. Начинаешь по-новому воспринимать окружающую действительность и получать радость от ерунды.

Однако, когда пришло время ложиться спать, энтузиазма у нее поубавилось. Точнее, это произошло после того, как Вика погасила свет. За окном вдруг оказалось непривычно темно. Вика не сразу поняла, что это оттого, что нет уличных фонарей, только темный провал неба, посыпанного блестками звезд, и силуэты деревьев, заслоняющие слабый лунный свет. И еще тишина. В городе она привыкла к постоянному шуму машин под окном, не прекращающемуся даже ночью, звону редких трамваев и другому шуму. Здесь тишина давила на мозги, заставляя прислушиваться. Ох, лучше бы она этого не делала. Ей чудились какие-то звуки и шорохи, большинство из которых казались подозрительными, а остальные и вовсе пугали. Вот кто это пискнул только что? Кошка? Или, не приведи господи, летучая мышь? А вот хрустнула ветка. Зачем? Ведь ветки не хрустят просто так, сами по себе, только если на них наступить. Но если так, то кто наступил? Кто ходит по ее саду ночью, бесцеремонно хрустя ветками?

Запугав себя сверх всякой меры, Вика поплотнее закуталась в ватное одеяло. Не помогло, – поняла она пять минут спустя. Ей по-прежнему было страшно, дико хотелось, чтобы поскорее наступил рассвет, а до него было еще так долго, всего только полночь, да и то – без четверти.

Ей вдруг стало очень холодно. Она вылезла из-под одеяла и, не зажигая света, подошла к окну, чтобы проверить, закрыто ли оно. Она простояла там довольно долго, пытаясь избавиться от ощущения холода и, глядя на сад, такой знакомый и такой чужой одновременно. Осознав, что холод идет изнутри, – ее попросту трясет от страха, – Вика отошла от окна и, споткнувшись о тапочки, которые оставила посреди комнаты, вернулась к кровати. Ей отчетливо казалось, что вот сейчас что-то случится, что-то, чего никогда не было. Она так уверилась в этом, что когда до нее донесся чей-то отчаянный вскрик, почти даже не удивилась, только вздрогнула и обхватила себя за плечи.

Глава 3

Что это было? Показалось? Да нет, не настолько она испугана чтобы слышать то, чего нет. Тогда кто кричал? И, главное, где? Ей показалось, что крик раздался совсем близко, но она вполне могла ошибаться, возле воды звуки разносятся далеко, она где-то читала об этом.

Поняв, что оставаться в доме она больше не может, Вика нашарила брошенные на стуле джинсы и, путаясь в штанинах, натянула их на себя, Сверху набросила кофту – кормить комаров она не собирается.

Снаружи оказалось гораздо светлее, чем в доме, хотя заросли безобидного малинника и крыжовенный куст вблизи выглядели устрашающими. Вика запретила себе бояться. В конце концов, ей самой ничто не угрожает, а крикнуть мог кто угодно, может, даже молодежь на реке развлекается. В молодежь как-то не очень верилось. Крик был по-настоящему испуганным, больше похожим на сдавленный писк, но Вика не хотела думать об этом. Она знала, что стоит только начать и ей одна дорога – обратно в дом, запереться на все замки и не высываться наружу до рассвета. А этого Вике не хотелось.

Она не хотела себе признаваться в том, что уже много лет, с тех самых пор как устроилась работать в издательство, ее преследует тайное желание испытать какое-нибудь приключение. Сколько она про них прочитала за это время, перелопачивая горы талантливой и не очень литературы. От некоторых книг дух захватывало. За это время головокружительные приключения стали для нее чем-то привычным, почти обыденным. Но это на бумаге, а в жизни, стыдно признаться, с ней никогда не происходило ничего интересного. Ее собственная жизнь, на фоне книжных страстей казалась еще более пресной и скучной, чем на самом деле.

Вика решительно стала пробираться сквозь заросли непонятно чего в ту сторону, откуда, как ей показалось, донесся ночной крик. В конце концов, исцарапавшись в кровь, она уткнулась носом в какую-то преграду. Темнота мешала разглядеть ее подробнее. Вика пошарила руками и сплюнула, сообразив, что перед ней обыкновенный забор, наполовину сгнивший, к тому же. Какая-то гладкая тварь вывернулась из-под пальцев, поспешно удирая прочь с насиженного места. Вика брезгливо отдернула руку и яростно потерла ее о штаны.

Итак, она добралась до границы, разделяющей ее и соседний – Катин – участок. Может быть, кричала Катя? Девушка попыталась взглянуть в темный двор, который видела только наполовину, но ничего не разглядела. Свет в окнах Катинного дома не горел. Было тихо. И все же в ночном воздухе повисло напряжение, как будто должна была вот-вот ударить молния. Но Вика была уверена, что никакой молнии не будет, просто вокруг сгустилась какая-то загадочная энергия, злобная и мрачная.

Несмотря на эти ощущения, Вика чувствовала себя довольно глупо, стоя вот так, посреди ночи, в саду и шпионя за соседями. Она готова была повернуть обратно, опасаясь, как бы собачка Кати не учуяла ее присутствие и не подняла лай, но тут ей показалось, что далеко впереди, в саду Гаевской, вдоль забора метнулась чья-то тень. Тень промелькнула настолько быстро, что Вика и понять ничего не успела. Она даже не была уверена в том, что действительно видела чью-то фигуру, бесшумно скользящую по чужой территории. И все же, помня о крике, она захотела убедиться, хотя бы в том, что тень ей померещилась.

Но как это сделать? Вика хмурилась и задумчиво терла переносицу, но никак не могла решиться на что-либо. А решаться было необходимо. Вика точно знала, что вторгнуться в сад Гаевской ни за что не осмелится. И дело даже не в том, что она боялась за себя. Просто ей не хотелось, чтобы кто-то из именитых гостей актрисы, заметив ее, поднял шум. Хороша бы она была в таком случае. Особенно, если крик раздался вовсе не оттуда.

Поразмыслив еще немного, Вика, махнув рукой на предрассудки, приняла единственно верное решение: взгромоздилась на забор. Наблюдательный пункт оказался весьма удобным – теперь она довольно хорошо могла видеть сад Гаевской и даже часть пруда – но, к несчастью, совсем непрочным. Вика боялась пошевелиться, так как гнилые доски отчаянно скрипели и прогибались под ее тяжестью. Она тянула шею вверх, но, сколько ни старалась, не смогла разглядеть ничего подозрительного.

Вдруг в полной тишине послышались звуки открываемой двери, жалобно, будто протестуя, скрипящей на заржавленных петлях. От неожиданности, Вика громко сглотнула, тараща глаза и холодея от страха в предчувствии того, кто сейчас может показаться на лужайке перед домом Гаевской. Никаких шагов она не слышала и от этого делалось еще страшнее. Она успела увидеть смутную тень в чем-то белом, ковыляющую к пруду. Потом тень наклонилась, словно, разглядывая что-то в траве и...

Доска подломилась с оглушительным треском, Вика кулем свалилась в траву, оказавшуюся на поверку крапивой. Руки, шея и правая щека немедленно зачесались. Она попыталась подняться, чтобы отползти от забора подальше, и не смогла. От удара у нее зашло ребро за ребро, ничего страшного, но ни согнуться ни разогнуться она пока не могла. Следовало встать и резко нагнуться, чтобы вернуть все в исходное состояние, однако сделать это было непросто.

Полежав еще немного в крапиве и отдышавшись, насколько это было возможно, Вика, цепляясь за остатки забора, приняла вертикальное положение, жмурясь от резкой боли в боку. После этого оставалось только нагнуться и сильно выдохнуть. Что она и сделала.

В этом положении она снова слышала скрип, но на этот раз совсем близко, буквально в двух шагах. А затем прозвучал испуганный голос:

– Кто здесь... пыхтит?

Вика сразу узнала голос Кати и робко пискнула:

– Я!

– Кто?

– Я, ваша соседка.

Но Катя уже и сама увидела согнутую пополам девушку, которая от испуга забыла принять исходное положение и теперь таращилась на нее снизу вверх.

– А-а, это ты. А чего это ты здесь? И почему в такой позе?

– Простите, – пролепетала снизу Вика, вновь переходя на "вы" от смущения, – мне показалось... то есть послышалось, что кто-то кричал...

Она поняла, что отвечает невпопад, окончательно стушевалась и поспешно приняла нормальное положение. Теперь уже Катя смотрела на девушку снизу вверх. Во взгляде читалось удивление, смешанное с настороженностью.

– А я вот уток вышла проверить, показалось, что забыла сарай запереть с вечера, – зачем-то сообщила Катя. – Ты сказала, кто-то кричал? Кто?

– Я не знаю, – развела руками Вика.

– А где? Когда? – Катя явно забеспокоилась.

– Несколько минут назад. Кажется, там, – Вика махнула рукой, указывая направление.

– У Гаевской? Странно. Кому там кричать?

– Не знаю. Может, пойти посмотреть? – Вика посмотрела на Катю с надеждой.

– А вот этого делать не советую, – покачала та головой.

– Почему?

– У нее ограда под током. Установила не так давно. Каждую ночь включает собственноручно, точно знаю. Напряжение там – будь здоров, мне электрик рассказывал. Убить, может, и не убьет, но поджарит основательно.

– Вот это да, – обалдело покрутила головой Вика и снова посмотрела в сторону сада Гаевской. – А ты код случайно не знаешь? – снова спросила она.

– Нет. Зачем мне? Я по ночам к хозяйке не хожу. Ты лучше...

Договорить она не успела, так как в глубине двора скрипнула калитка и кто-то большой вошел внутрь. Катя встревоженно повернула голову и проводила глазами высокую мужскую фигуру, которая молча пересекла двор и, поднявшись на крыльцо, скрылась в доме. В их сторону мужчина даже не взглянул.

– Это мой муж, Костя, – произнесла Катя. В ее голосе послышалась затаенная горечь, хотя, возможно, Вике это только показалось.

– Извини, мне пора, – сказала Катя и немедленно повернувшись к Вике спиной, затопила вернуться в дом. Хлопнула дверь, лязгнул засов. Вика снова осталась одна.

"Однако, странное время для возвращения домой, почти час ночи. Интересно, а кто у нас муж?" – подумала Вика. Кажется, падение с забора ничуть не уменьшило ее тягу к приключениям.

Но от повторной попытки взгромоздиться на забор Вика благоразумно отказалась, решив, что на сегодня с нее вполне достаточно. Она вернулась в дом и на этот раз уснула, едва коснувшись головой подушки.

* * *

С утра Вика первым делом – не считая утреннего умывания под струей ледяной воды все у того же ржавого крана – отправилась исследовать местный магазин. Романтика романтикой, а пить чай из собачьей миски все-таки не к лицу приличной барышне. Опять же, как знать, какие знакомства здесь появятся? Отдых, он к знакомствам очень даже располагает, а Вика в свои двадцать пять была девушкой совершенно свободной. На данный момент. Так вот, если они – знакомства, то есть, – вскоре появятся, то как прикажете угощать новых друзей? Не предлагать же им чай в собачьей миске? Впрочем, на этой миске нигде не написано, что она собачья.

Итак, магазин стоял на первом месте, даже впереди купания, хотя Вике очень хотелось побыстрее отправиться на пляж и обновить специально приготовленный по такому случаю купальник.

Ночные страхи, развеянные утренним солнцем, казались глупыми и смешными, а комната, где она несколько часов назад тряслась от ужаса, теперь почему-то выглядела совсем иначе: светлой и уютной, хотя по-прежнему носила отпечаток заброшенности. Комната казалась просторнее из-за отсутствия мебели. Кровать, стол у окна, да два стула, стареньких, зато настоящих венских, с красиво гнутыми спинками. Все это было покрыто солидным слоем пыли, видной невооруженным глазом.

«Ну, от пыли еще никто не умирал», – подумала Вика, проведя пальцем по столу и весело сдувая облако пылинок. Она решила заняться уборкой немедленно, как только принесет из магазина все необходимое и позавтракает.

Чтобы окончательно избавиться от ночного наваждения и избежать соблазна сунуть нос в чужой двор, Вика направилась к магазину по другой стороне улицы, а когда проходила мимо дома Гаевской, даже специально отвернулась в сторону.

Магазин приятно удивил ее. Катя нисколько не преувеличивала: он оказался более чем приличным. Новенькое, с иголочки, здание было заметно еще издали, его современные тонированные витрины сулили кондиционированную прохладу и товарное изобилие. Очевидно, магазинчик появился в этих краях совсем недавно, и его появление было связано с началом строительства коттеджей, которые она видела с холма. Богатые люди и на природе не желали лишать себя удобств, тем более, что за каждой мелочью в город не наездишься.

В магазине у Вики разбежались глаза от разнообразия товаров. Конечно, здесь было все, что ей нужно, и даже больше. В средствах она была не ограничена и потому бродила среди прилавков не менее получаса, начисто позабыв о том, что вещи, которые она собиралась приобрести, ей скорее всего придется при отъезде оставить здесь. Но как отказаться от этой миленькой кастрюльки или вон той, крошечной, словно игрушечной, сковородочки с тефлоновым покрытием, рассчитанной как раз на одного. Электрический чайник цвета чайной розы – это само собой, а к нему нужен вон тот сервиз, состоящий, как по заказу, из четырех чашечек и сахарницы. Очень удобно, если учесть, что заварочный чайник ей ни к чему, так как она пользуется пакетиками. Хотя вон тот, с ромашками, она бы купила.

Помимо этого Вика приобрела полотенца, пару наволочек, три пачки салфеток и набор десертных тарелок в тон чайному сервизу. Варить суп она не собиралась и потому от глубоких тарелок – с большой неохотой – отказалась. Зато вилок и ложек приобрела целых два набора, так как не смогла решить, какой цвет ручек ей больше нравится – ярко-красный или фиолетовый. У ножей ручка была не цветная, а деревянная, но они были такими симпатичными, что Вика не удержалась и купила сразу три: большой, хлебный; средний и совсем маленький.

Металлическая корзина уже оттягивала руку, а ведь предстояло еще купить продуктов. Понимая, что попросту не допрет все до дома за один присест, Вика решила вернуться за продуктами попозже, а пока ограничилась только самым необходимым. В необходимый продуктовый набор входили сахар, масло, джем, восхитительно свежая булочка, по небольшому кусочку колбасы и сыра, а также молоко и десяток яиц. Несмотря на то, что она старалась особо не нагружаться, покупок получилось предостаточно, два вместительных пакета оказались забитыми под завязку. Оставалось надеяться, что по пути к дому ничего нигде не лопнет и не порвется.

Пакеты выдержали испытание на прочность, а сама Вика – на выносливость. Почти у самого дома она обнаружила стол, стоящий прямо на улице, заваленный зеленым луком, укропом, молодой розовато-кремовой картошечкой и петрушкой. Отдельно, в синей чашке, лежала восхитительно свежая, ароматная малина. От ее запаха (и от голода) у Вики закружилась голова. Она решила купить малину и молодую картошку немедленно, тем более, что до дома оставалось всего-ничего. Дотащит – не развалится.

Однако, несмотря на горячее желание, совершить покупку было невозможно, так как отсутствовала главная составляющая – продавец. Вика повертела головой, надеясь отыскать пропажу, но вместо продавца обнаружила странное скопление народа неподалеку. С замирающим сердцем она поняла, что замеченное ею оживление сосредоточено возле дома Гаевской. Это открытие ей очень не понравилось, но она решила держать себя в руках. Позабыв о малине и картошке, Вика торопливо зашагала по улице, но возле гудящей толпы не затормозила, а вначале проследовала к себе домой. Что-то подсказывало ей, что лучше забросить продукты в холодильник заблаговременно, так как дело у Гаевской серьезное и долговременное. На самом деле вся эта возня с покупками была всего лишь временной передышкой, которая потребовалась Вике, чтобы собраться с мыслями.

Дурное предчувствие завладело ею с новой силой. Еще бы ему – предчувствию, то есть – не встрепенуться. Как ни отворачивалась Вика в сторону, а желтый уазик с синей полосой, нагло приткнувшийся возле иномарок, так и лез в глаза. А там, где милиция, ничего хорошего ждать не приходится.

Глава 4

Толпа возле дома, как показалось Вике, за последние несколько минут увеличилась еще больше. Зеваки теснились у забора, вытягивая шеи и стараясь заглянуть внутрь, в глубину сада. Увидеть ничего не удавалось, и толпа возбужденно переговаривалась, строя всевозможные предположения. Вика прислушалась, но не смогла понять о чем речь, настолько противоречивы были долетавшие до ее ушей обрывки фраз. Было ясно только одно: ночью в доме что-то случилось. Что-то плохое, раз здесь милиция.

Вика поискала глазами Катю, единственную, с кем была хоть немного знакома, но не нашла и, набравшись мужества, обратилась к топтавшейся рядом тетке в чистеньком белом платочке, завязанным узлом под подбородком:

– Вы не знаете, что случилось? – выдавила Вика неожиданно тонким голосом.

– Так баба, что в этом доме жила, утопла, – охотно поделилась информацией женщина.

– Купаться ей ночью вздумалось, – добавила другая, в выцветшем сером фартуке, повязанном поверх коричневой юбки.

– Купаться? Ночью? – удивилась Вика.

– Вот и я говорю – малохольная она, – со значением сказала первая, та, что в платочке.

– И не говори, Петровна. Ей бы о душе подумать, раз время пришло, а у нее гостей полон дом, и все, заметь, мужики.

– И-ить, Алевтина, это ж не мужики, это ж супружники ейные!

– Все, что ли? – хитро усмехнулась Алевтина, ядреная бабка лет шестидесяти. – Не многовато ль будет? И откудова они взялись-то? На моей памяти никого отродясь не видела.

– Точно сказать не берусь, а только на рынке бабы сказывали, что мужья. Все или нет – не знаю.

– Да мало ли что люди болтают. Им только повод дай, – передернула плечами Алевтина. Было ясно, что женское самолюбие никогда не позволит ей поверить в такое количество мужей у какой-то больной «малохольной бабы».

– А Катерина где ж? – поинтересовалась Петровна.

– Она не знает еще. С ранья в город понеслась. Я ее поутру встретила, когда корову выгоняла. Она на станцию побежала. На первую электричку успеть хотела.

– А зачем ей в город-то?

– Сказала, гостям выпивки не хватило.

– Матерь божья, всю водку никак выхлебали? Ее ж в магазине пруд-пруди.

– Да не водку, другое что-то. Название такое мудреное. Катька мне сказала, да я не запомнила. У нас в магазине такое не продают, вот в город и поехала.

– Ишь, срамота. Видел бы ее отец, что в доме творится, в гробу бы перевернулся, – неодобрительно поджала губы Петровна.

– А вы знали отца Гаевской? – тут же спросила Вика, еще не понимая до конца, почему ее это интересует.

– Так на моей памяти он этот дом купил. Я, правда, еще молодая была, только Ваньку родила, если память мне не изменяет. Хороший был мужик, ничего не скажу, хозяйственный. Даром, что интеллигент, а в земле толк знал.

– Так это он дом построил?

– Нет. Не он. Еще до него усадьбу отгрохали. Еврей один, не помню его фамилию, – ответила Алевтина. – Он хитрый был, оборотистый. Польстился на дешевую землю – здесь же в те времена жуткая дыра была – да и прикупил сразу несколько участков по соседству. Кажется, пчел разводил.

– Не пчел. Травы он выращивал разные. Те, что от болезней помогают. Он аптекарем был. На этом и состояние себе сделал. А пчелы так, между прочим.

– Точно! Его в деревне колдуном считали. Но и уважали тоже. Никто кроме него так лечить не умел. Люди со всего края к нему валом шли, – подхватила Алевтина.

– Ну да. Только это его не спасло. В тридцать седьмом его взяли – и с концами. А усадьбу конфисковали. Вот после этого здесь Гаевские и поселились. Они и пруд вырыли, и яблонь насажали. Травки лечебные частью перекопали, частью те сами выродились. Но зато красиво стало. Это при Ирине все в упадок пришло.

– Где ж ей за хозяйством следить, – презрительно фыркнула Алевтина. – У нее занятие поинтереснее было – мужиков коллекционировать.

– Не верю я все же в это. От стольких-то мужей – и ни одного ребеночка не завела, – покачала головой Петровна.

Алевтина только плечами пожала, оставаясь при своем мнении.

Вика и сама не очень верила в большое количество мужей. Хотя, если учесть, что Гаевская была актрисой, причем известной, то всякое могло случиться. Непонятно одно – с какой-то радости все ее мужья собрались в одном месте в одно время? Уж не наследство ли собрались делить? А что? Если детей у Гаевской не было, то она вполне могла завещать этот дом тем, кто был ей когда-то дорог. Усадьба даже по самым скромным подсчетам стоила сейчас не одну сотню тысяч долларов, особенно если учесть, что деревня превратилась в очень престижное место и активно застраивается новыми русскими. Один участок, учитывая его колоссальные размеры, стоит немало. А еще дом, и, наверняка, какая-то обстановка, драгоценности. Вика сразу вспомнила пропавший золотой браслет "с паучками". Катя говорила, что он уникальный. Да, неплохое наследство. Только в этом случае хозяйка умерла как-то слишком кстати. Кто-то из наследников оказался чересчур нетерпеливым.

В случайную смерть Вике как-то не очень верилось, тем более в такой ситуации. Как же пожалела в эту минуту Вика о том, что ночью так не вовремя свалилась с забора. Удержись она еще хоть немного и, возможно, в ее руках оказался бы ключ к разгадке. А сейчас у нее были только догадки, да и те – так себе, несущественные. Ну слышала она ночью подозрительный крик, и что? Мало ли что это было. Да и вообще, крик – понятие невещественное, его не предъявишь и к делу не пришьешь, а ее свидетельство мало чего стоит, особенно здесь, где никто ее не знает.

Вика озабоченно повертела головой по сторонам, не зная как поступить. Она обнаружила, что вход в дом, несмотря на наличие милицейской машины, никто не охраняет. Впрочем, местные жители даже не пытались проникнуть на запретную территорию, жались возле забора. Вика же немедленно воспользовалась преимуществом и, стараясь не привлекать внимания, мышкой скользнула за чугунную калитку. Остановить ее было некому и она, обогнув дом, оказалась во внутреннем дворе. Благодаря теннисным туфлям на резиновой подошве, ее шаги по вымощенной плитками дорожке, были практически бесшумными. Она еще издали увидела небольшую группу людей, собравшихся у пруда, и остановилась в отдалении. Ее появления никто не заметил.

Раздумывая о том, стоит ли подходить ближе, Вика оглянулась на дом. Вблизи он оказался довольно низким, приземистым, с серой, потемневшей от времени кровлей. Дом был построен в форме буквы "П" и защищал внутренний двор от всех возможных ветров, кроме восточного. Во дворике рос кряжистый столетний дуб, а те деревья, которые Вика видела раньше издали, оказались липами, а вовсе не яблонями. Яблони росли дальше, ближе к пруду, но яблок на них было немного и они явно измельчали без должного ухода, а на вкус наверняка оказались бы несъедобными.

Три человека в форме плотно обступили какое-то место на берегу. Один из них что-то обмерял и фотографировал. Другие наблюдали за ним, негромко переговариваясь. До Вики

долетали лишь обрывки отдельных фраз, но и от них у нее по коже побежали мурашки. Она больше не сомневалась – там, в густой траве на берегу пруда лежит труп.

Когда вы читаете о таких вещах, вам кажется, что с вами такого произойти не может. В лучшем случае – все это просто вымысел, а в худшем это случается с кем-то другим. И вот сейчас она стоит в двух шагах от трупа. Всамделишного и наверняка отвратительного, а ноги, вдруг ставшие ватными, лишают ее возможности уйти как можно скорее. Уйти было необходимо, уйти быстрее, пока ее еще не заметили. Вика и рада была бы поступить разумно, да только вот тело ей почему-то не повиновалось.

Немного поодаль от деловито копошащихся стражей правопорядка стояла еще одна группа людей. Двоих из них Вика узнала – это были Двуреченский и тот, насупленный, что прогнал ее вчера от ворот дома. Третий оказался гораздо моложе, но определенно принадлежал к числу гостей. Причислить его к мужьям престарелой актрисы для Вики казалось затруднительным, а никакой другой роли для него она в данный момент придумать не могла. Кстати, его она тоже узнала, хотя и не сразу. Это был не кто иной, как популярный лет десять назад певец, кажется, Окунцов его фамилия. Последние лет пять он совсем не появлялся на экране, о его концертной деятельности тоже ничего не было слышно, а в зените славы он запросто собирал стадионы, Вика даже припомнила пару строк из популярной тогда песенки. Окунцов все еще был хорош, хотя оказался гораздо ниже, чем представлялось Вике. Его длинные соломенные волосы уже начали понемногу редеть, а вместе с пышной шевелюрой пропадало и его мальчишеское обаяние. Согласитесь, лысеющий мальчик – это выглядит как-то пошло.

Все трое казались обеспокоенными, но хуже всех смотрелся политик. В отличие от вчерашнего, он был трезв, но его бесцветные глаза с тяжело набрякшими веками, выражение которых стало более осмысленным, скорее могли бы принадлежать какой-нибудь ящерице, чем представителю рода человеческого. Наиболее привлекательно в этой группе выглядел Двуреченский, подтянутый и аккуратный – однако, перехватив холодно-равнодушный взгляд режиссера, брошенный в ее сторону, Вика сразу же сменила свое мнение. Этот хлыщ сделал вид, что видит ее впервые в жизни и, более того, она совершенно не кажется ему достойной внимания.

Подобное пренебрежение неожиданно придало ей смелости. Вика быстро протопала по узкой тропинке к пруду и остановилась возле тех, кто по ее мнению представлял здесь закон. Как раз в этот момент группа мужчин на берегу расступилась и Вика неожиданно увидела совсем рядом лежащее в траве лицом вниз тело женщины в съехавшем набок платиновом парике. Ее одежда выглядела еще влажной, хотя солнце уже успело основательно обсушить ее. Без сомнения, женщина была мертва, ее раскинутые руки и вытянутые в струнку ноги имели страшный, иссиня-бледный цвет.

Вика пошатнулась и тут наконец ее заметили.

– Это еще кто? – требовательно спросил один из мужчин, сурово нахмурясь.

– Я соседка, – пролепетала Вика быстро, думая только о том, как бы ее не стошнило на этого сердитого дядьку.

– Ну и что, что соседка? Вам здесь не место. Эй, с вами все в порядке?

Какое там. Сад и деревья интенсивно закачались у Вики перед глазами, потому что в этот момент один из присутствующих, продолжая делать свою работу, перевернул тело женщины на спину и Вика отчетливо разглядела ее лицо. Ни разу до этого ей не приходилось встречаться с Гаевской, но это была не она, Вика знала точно, хотя узнать женщину было непросто. Вика в какой-то мере готова была увидеть смерть, но это было совсем другое, гораздо более страшное. С трудом устояв на ногах, Вика заставила себя отвести глаза от наполовину обглоданного, безгубого лица, на котором остался только один глаз. Кто-то, какие-то твари, основательно над ним поработали, но девушка ни на минуту не усомнилась

в том, что перед ней ни кто иной, как Софья Аркадьевна, та самая, что вчера пыталась громко обвинить безответную Катю в воровстве.

Вика почувствовала, как у нее в животе что-то перевернулось, тошнота подкатила к горлу, а глаза застлал сизый туман. Наверное, выглядела она в ту минуту паршиво, так как дядька, который до сих пор занудно требовал от нее немедленно покинуть место происшествия, вдруг чертыхнулся и, подхватив ее под руку, оттащил в сторонку, под тень деревьев.

– Господи, как же это случилось? Что с ней? – пробормотала Вика, едва отдышавшись.

Милиционер не обязан был ей отвечать, но он почему-то ответил:

– Несчастный случай. Поскользнулась в темноте, упала, не смогла выбраться и в конце концов захлебнулась. В возрасте все же была, понимать надо.

– А как же это? – удивилась Вика, ткнув себя пальцем в живот, в то самое место, где заметила у Софьи расплывшееся кровавое пятно.

– Глазастая, – неожиданно одобрил опер. – Ты чья же будешь? Я что-то не припоминаю. Вроде, говоришь, соседка... Корнешовых, что ли? У них вроде племяшка в городе.

– Нет, я не Корнешовых. Я ничья. Я дом сняла на месяц, бабы Маруси. Знаете?

– Ах, этот. Как не знать, – протянул тот, кивая. – Ну что ж, добро пожаловать. У нас тут места славные. – Он покосился в сторону трупа и неловко прокашлялся. – Тебя как звать?

– Викторией.

– Ягодка, значит. А я участковый здешний, Федор Карпович.

– Очень приятно, – попыталась улыбнуться Вика, радуясь, что ее больше не гонят. – Так откуда у нее рана на животе, если это несчастный случай? – окончательно осмелела она.

– Так на корягу напоролась. Их здесь возле берега – немерено. Из-за этой раны она и не смогла выбраться, я так думаю. Ослабела быстро от потери крови – и кранты. Много ли старухе надо?

"Слышала бы это Софья Аркадьевна!" – усмехнулась про себя Вика, вспомнив старую кокетку, стремящуюся к вечной молодости.

– Странно, что она не звала на помощь. Дом довольно близко. Не сразу же она на дно пошла?

– А ты дотошная, – беззлобно усмехнулся Федор Карпович. – Только неопытная еще. Баба-то эта могла и сознание потерять. А может от испуга сердчишко прихватило – всякое бывает. Вот и не крикнула.

– Нет, она кричала.

– А ты откуда знаешь?

– Слышала. Правда, я слышала только один крик, но он был, это точно.

– Ну что ж. Одного раза маловато будет. Ночью ведь все случилось, спали все. Вряд ли успели понять, что происходит. Опять же, выпили накануне крепко. От тех двоих – он небрежно мотнул головой в сторону гостей Гаевской – перегаром разит, аж тошно. А третий, который с бакенбардами, жвачкой рот набил, благоухает как "Риглис Сперминт".

Почему-то название популярной жевательной резинки прозвучало в его устах как ругательство.

Вика немного помолчала, раздумывая, как бы половчее задать последний вопрос. Наконец, решила:

– А кто это так Софью Аркадьевну...обгрыз? – спросила она осторожно. – Ведь не рыбки?

Федор Карпыч неожиданно нахмурился и посмотрел на нее преувеличенно строго. Как показалось Вике, для того, чтобы скрыть растерянность. Проследив за его реакцией, она уже не удивилась, когда услышала:

– А вот этого я не знаю. Не рыбки – это точно, рыбки тут раньше водились, маленькие такие, красные. Передохли все. Раньше в этом пруду вся детвора плескалась, хозяйева позво-

ляли. А в этом году, по весне завелась какая-то дрянь. Мальчонку одного покусала, Веньку. Сильно покусала, всю ногу ему раскурочила. Он перепугался, да и было с чего. Стали расспрашивать, а он и ответить ничего не может. Или не хочет. Мне так показалось, что что-то он все же видел, только говорить не захотел. Конечно, попытались мы эту тварь выловить, да только зря старались – не вышло. Малышне родители ходить сюда запретили, вот и все меры.

Вика, пораженная, молчала. Что за тварь могла поселиться в пруду? Она слабо разбиралась в водной фауне и ей не приходило на ум ни одно подходящее пресноводное животное, кроме щуки. Хотя щука и не животное вовсе, а рыба, да и не кусает она людей. Пока Вика размышляла, Федор Карпович начал проявлять признаки нетерпения.

– Ты вот что, Виктория, шла бы ты домой, что ли, – посоветовал он, прокашлявшись.

– Я не могу, – немедленно прикинулась больной Вика. Сейчас, когда первый страх поулегся, ей захотелось осмотреться повнимательнее. – У меня голова кружится, боюсь, не дойду. Может, вы меня проводите?

Расчет оказался верен. Оставить место происшествия до конца процедуры участковый никак не мог. Пришлось ему пойти на компромисс.

– Ладно, Виктория, – вздохнул он. – Ты тут под деревом тихонько посиди, коли такая нервная. А когда оклемаешься – домой ступай. И смотри, по саду не шарахайся. Больно ты, как я погляжу, шустрая. Не в милиции, часом работаешь?

– Нет. Я книги редактирую. Исправляю, то есть. Детективные.

– Вон оно что. Тогда понятно, – усмехнулся Федор Карпович в усы. – Только имей в виду, Виктория, книжки – это совсем не то, что на самом деле. Смерть – она совсем некрасивая. И не только такая, как у этой Софьи. Любая. Страшное это дело – смерть.

– Я уже поняла, – тихо ответила Вика.

Разумеется, как только участковый позабыл о ее присутствии, вернувшись к своим обязанностям, Вика нарушила обещание и, стараясь держаться на расстоянии, выползла из-под дерева и побрела в сторону пруда. Если бы ее маневры заметили, то она всегда могла сказать, что для ее головы потребовалась небольшая прогулка. Вряд ли ее стали слишком уж распекать за самоуправство. Как она успела понять, случай с Софьей классифицировался как несчастный и никакого криминала в нем не зафиксировали. А раз нет криминала, то и порядки – не такие строгие, хотя могли и по шее дать, увидев ее шатающейся по месту происшествия, тоже, так сказать, для порядку.

Но опасалась она напрасно, никто не обращал на нее внимания. Сосредоточенно глядя под ноги, Вика брела по берегу. Водоем имел вытянутую форму. Дна не было видно, но Вика сочла, что вряд ли в самом глубоком месте она достигала более трех метров. Разнообразная сорная трава чувствовала себя возле воды вольготно. Полоска камышей и болотной осоки была не менее метра. Там-то, в зарослях камыша, и заметила Вика то, что поначалу приняла за клочья белой пены. Только не пена это была вовсе. На поверхности воды плавал кружевной зонтик, как раз такой, о котором упоминала Катя, рассказывая о своей хозяйке. И впрямь старомодный, предназначенный для защиты от солнечных лучей и изготовленный из кипенно-белого дорогого кружева, он смотрелся на затянутой ряской поверхности пруда совершенно неуместно. С того места, где сейчас стояли люди, увидеть зонт было невозможно, но Вика была уверена, что тот появился здесь совсем недавно, возможно прошлой ночью – белоснежная ткань еще не успела до конца пропитаться зеленоватой водой. Вытянув шею, Вика предусмотрительно убедилась, что никто ее не заметит и, засучив штанины и скинув теннисные туфли, храбро полезла в воду, намереваясь достать зонтик и разглядеть его как следует.

Едва она ступила в воду, как ее босая нога чуть не по колено ушла в густой вязкий ил. Вике сразу представилось, как пыталась ночью выбраться из этой трясины несчастная вздорная Софья, как она барахталась в поисках опоры, и только глубже погружалась в ил, а

потом стояла по шейку в протухшей воде и пыталась позвать на помощь, пока не испустила дух.

Вику передернуло, она поспешно отогнала от себя слишком яркое видение. Боясь выпустить из рук гибкую ветку ракиты, она потянулась всем телом и ухватила зонт за торчащую спицу, похожую на сломанное белое крыло. Остро отточенный штырь зонта сверкнул на солнце. Надо же, вроде бы безобидная дамская вещица, а какой зловещий острый клюв у этого зонта! И тут ее осенило: так вот на что Софья напоролась, а вовсе не на корягу!

То, что принадлежащий Гаевской зонт оказался в руках у Софьи Аркадьевны, Вику совсем не удивило. Она уже успела уяснить, что почтенная матрона была, царство ей небесное, равнодушна к чужим вещам. Но какого рожна она потащилась к пруду с зонтом ночью?

Этот вопрос оставался пока без ответа. Но Вика решила, что за ее открытием кроется что-то важное и пообещала себе поразмыслить об этом на досуге. О своей находке она решила не сообщать Федору Карповичу. Наверняка он и его люди сами обнаружат зонтик немного погодя, тем более, что он лежит на самом видном месте.

Не чувствуя за собой никакой вины, Вика выбралась на берег, кое-как сполоснула заляпанные илом ноги и обулась. Она не ждала больше никаких открытий, но ее поджидало еще одно: буквально в двух шагах, в густых кустах бузины, она увидела какой-то поблескивающий предмет. Нырнув за куст, она извлекла на свет мужской золотой портсигар, успев заметить, что ветки бузины в том месте изрядно поломаны, как будто в кустах кто-то долго сидел. Кто бы это мог быть? Этого она не знала. Открывая портсигар, Вика очень надеялась обнаружить там какую-нибудь зацепку. Абсолютной удачей можно было бы считать гравировку. Такая солидная вещь гравировку иметь была просто обязана. Но ее там не было. На худой конец, сошла бы и записка. Но записки не было тоже. Вика обнаружила лишь одиноко болтавшуюся внутри бирюзовую сигаретку с золоченой надписью "Sobranie". Женские сигареты?

Вопросов только прибавилось: кто же хозяин этой штуки – мужчина, курящий женские сигареты или женщина, предпочитающая хранить курево в мужском портсигаре?

Раздумывать было некогда. Пора было уходить. На обратном пути Вика заложила широкую дугу, практически вплотную прижимаясь к увитому вьюнком забору и выбралась из кустов только возле самого дома, да и то потому, что кусты закончились. Она уносила с собой портсигар, который ей некуда было спрятать и ей вовсе не хотелось, чтобы у нее отобрали ее находку. Хватит с них и зонта, рассуждала она. А обладателя портсигара она вычислит и сама побеседует с ним, когда представится такая возможность. Если Вика не ошибается, то прошлой ночью он сидел в кустах у пруда и мог видеть то, что произошло с Софьей Аркадьевной. А может и не только видел, может быть, портсигар принадлежал убийце, караулившему свою жертву. Да-да, Вика была уверена, что Софью Аркадьевну убили. Никакой это не несчастный случай! Но попробуй убеди в этом милейшего Федора Карповича. Черта с два!

Проходя мимо застекленной веранды, Вика совершенно случайно бросила туда взгляд и от неожиданности споткнулась на ровном месте. Сердце у нее екнуло. За стеклом она увидела пожилую женщину, которую поначалу приняла за ожившую Софью Аркадьевну, настолько они были похожи. Только приглядевшись, она поняла, что это – совсем другая женщина, скорее всего – сама хозяйка дома – Ирина Гаевская. Вика успела хорошо рассмотреть ее. Даже через стекло было видно, какой толстый слой грима покрывает лицо старухи. Выражение этого лица было недовольным, хозяйку раздражало присутствие еще одного, четвертого, оперативника на ее территории. Молоденький сержант задавал ей какие-то вопросы, получал короткие, односложные ответы и старательно записывал их на листок, пристроенный на уголке стола. Вика не стала задерживаться под окном, да это было и не

нужно. Фигура старухи так и стояло перед глазами. Да, она оказалась даже старше, чем Вика думала. И определенно – нездоровой. Это было заметно несмотря на обилие грима, а, может быть, именно благодаря ему. Платиновый парик "а ля Мэрилин Монро", почти такой же, как у несчастной Софьи, подчеркивал болезненную бледность лица. Обтягивающее, слишком нарядное для раннего утра платье с блестками открывало некрасиво торчащие костлявые ключицы. Старуха изо всех сил пыталась держать осанку. Точно такая же прямая спина и почти такая же фигура были у Софьи, Вика хорошо это запомнила. Все старые женщины похожи друг на друга, и молодящиеся старухи – не исключение. Мысль, которая посетила голову Вики после этого, не отличалась оригинальностью. Да она просто лежала на поверхности, эта мысль. Странно, что никому больше она не пришла голову. Конечно, Софья Аркадьевна и Ирина Гаевская не были сестрами-близнецами, но в темноте, да еще с этим злополучным зонтом, с которым Гаевская не расставалась, их вполне можно было перепутать.

А это могло означать, что Софью Аркадьевну могли убить по ошибке.

"Ничего себе открытие, – подумала Вика. – Только кто ж мне поверит?"

Глава 5

Недавнее лицезрение труп и неожиданные, пугающие выводы относительно убийства никак не сказались на Викином аппетите. Она была молода, к тому же с прошлого дня почти ничего не ела. Не считать же едой полкило черной смородины, которые она умяла накануне. Поэтому большой омлет с зеленью был уничтожен ею в рекордно короткие сроки. Вика могла позволить себе такую вольность, ей не приходилось заботиться о сохранности фигуры, даже после новогодней обжираловки она никогда не выходила за границы своего сорок четвертого размера. Любые калории сгорали в ней непонятным образом, не оставляя и следа.

Позавтракав или, точнее, пообедав, Вика продолжала размышлять над тем, чему она стала невольной свидетельницей. Эти размышления не мешали затеянной уборке помещения. Поначалу она собиралась было отправиться на пляж, но солнце было в самом зените, а во всех умных журналах, которые Вика время от времени почитывала, черным по белому было написано о вреде полуденного солнца для кожи. Поэтому – правда, не без усилий – Вика заставила себя оторваться от мыслей о заманчивых перспективах купания и заняться устройством быта. Прежняя хозяйка отнюдь не была неряхой и все же приходилось только удивляться, каким образом в доме, в котором никто не жил, скопилось столько грязи.

Орудую тряпкой, Вика размышляла, естественно, об убийстве. Многое было неясно и даже казалось нелепым. Но, как ни странно, не столько убийство само по себе волновало ее в данный момент. Вика уже ничем не могла помочь погибшей Софье, зато очень беспокоилась за Гаевскую. Ведь если метили действительно в нее, то что мешало убийце повторить попытку?

Эх, знать бы, кто этот убийца. Ясно, что кто-то из гостей в доме, мужья они там или кто – чужим через ограду под током не пробраться. Но который из них? На взгляд Вики, прекрасно подходили все трое. Ни один из них не вызывал ее симпатии. Но что толку гадать? Вот если бы она была уверена, что они слетелись сюда в надежде на наследство смертельно больной женщины, да еще заглянуть – хоть одним глазком – в завещание, чтобы разузнать имя главного наследника... Тогда можно было бы и Федора Карпыча побеспокоить. А так он ее и слушать не станет, несмотря на портсигар и летний зонтик.

Еще один персонаж вызывал у Вики подозрение – вернувшийся так некстати Катин муж. Причины для припозднившегося мужа, конечно, могли быть разные, может быть, даже уважительные. Но слишком уж совпало его появление со злополучным ночным криком. Вика прикинула, что Константин вполне мог успеть прикончить старушку, спихнуть ее в пруд и заявиться домой в то самое время, около часа ночи. Только зачем это ему? Какое он-то имеет отношение к Гаевской?

Нужно будет это осторожно выяснить. Не у Кати, конечно, но мало ли в деревне болтливых старушек? Тут все про всех известно и спрашивать никого не придется. Вон как Алевтина с Петровной вещали о прежних хозяевах усадьбы. Только успевай слушать да запоминать.

Вика все же испытывала некоторые угрызения совести, заподозрив Катиного мужа. Катя успела понравиться ей своей спокойной рассудительностью, так редко встречающейся в большом городе и подозревать ее мужа было нечестно. Но ведь она ни с кем не делилась своими подозрениями. А в мыслях можно предполагать что угодно, никому от этого вреда не будет.

Вспомнив о Кате, Вика напомнила себе, что нужно попытаться расспросить ее о Гаевской и ее гостях. Не может быть, чтобы Катя ничего не знала о причине, по которой сюда слетелось все это воронье. Девушка не сомневалась, что сумеет вытянуть из Кати всю

правду, если постарается. Общение с капризными авторшами научило ее быть изворотливой, когда надо, или весьма убедительной – по обстоятельствам. Катю она разговорит – дайте срок. Главное, сделать это побыстрее. Как знать, как скоро убийца предпримет следующую попытку? Гаевская Вике хоть и никто, а все-таки жалко человека.

Короче, к чертям рассуждения! Надо вставать и начинать действовать. А что еще делать? Ждать дни, недели, может быть месяцы, пока милиция все запутает или засадит первого попавшегося? Ну, уж нет!

Собственная отвага так понравилась Вике, что она решила действовать немедленно, тем более, что солнце как раз начинало сбавлять обороты. Сейчас она попробует поговорить с Катей, если застанет ее дома, а потом можно и на пляж.

Приняв решение, Вика натянула на себя новый купальник с забавной бахромой по краям, полюбовалась на себя в осколок зеркала, который еще раньше отыскался на подоконнике и с неохотой прикрыла всю эту красоту пляжным халатиком-сарафаном. Охваченная догадками и предположениями, логичными и не очень, она подошла к калитке Катиного дома и уже подняла руку, чтобы постучать, как вдруг услышала голоса. Вика остановилась в нерешительности. Со двора ее было не видно, но двое, находившиеся там, явно ссорились. Вике не хотелось, чтобы в разгар ссоры кто-то из них заметил ее присутствие.

Пока она размышляла как поступить, невольно услышала несколько фраз, тем более что ни Катя, ни мужчина, что отвечал ей, и не думали понижать голос. Ссора находилась в самом разгаре и тех нескольких фраз, что случайно долетели до слуха Вики, хватило, чтобы понять очевидный факт: Костя изменял Кате, причем делал это почти в открытую и, кажется, совершенно не раскаивался. Дело, конечно, житейское, но Вика из женской солидарности не раздумывая встала на сторону Кати.

– За что? Скажи мне, за что ты унижаешь меня? – всхлипывая, повторяла Катя. – Что я тебе такого сделала?

– Говорил уже, ты ни в чем не виновата. Так получилось, я ничего не могу с собой поделать.

– Неудивительно! Эта ведьма приворожила тебя! – Выкрикнула женщина.

– Замолчи! – рявкнул ее муж. – Не смей так говорить об Эмме!

– Я-то замолчу, да только все в деревне только об этом и говорят. Что ж ты, всех думаешь заткнуть? Не выйдет, на каждый роток не накинешь платок.

– Неправда. Эмма не ведьма. Она замечательная женщина. Мне с ней интересно.

– Ну конечно, она же интеллигентная, с образованием, не чета мне! Только не надо врать, милый. Не ее мозги тебя привлекают, и, уж конечно не ее увядающие прелести. Денег ты захотел, вот что! Надоело перебиваться с хлеба на картошку.

– Закрой рот! – проорал Константин. И добавил уже спокойнее:

– Дай мне развод, по-хорошему прошу. Не мучай ни себя ни меня. Так будет лучше.

– Не дожدهшься, – отрезала Катя. – Пусть твоя ведьма сдохнет в одиночестве. Или поищет себе другую жертву.

– Дрянь! – Короткое слово хлестнуло, будто удар кнута. Послышался какой-то грохот, Вика сдавленно охнула, услышав громкие рыдания Кати. Неужели он ее ударил? Девушка уже рванулась было к калитке, думая только о том, чтобы защитить Катю, но тут услышала торопливые шаги и поняла, что Константин покидает поле битвы.

Вика успела отскочить и спрятаться в густом кустарнике, едва не лишившись впопыхах подола своего сарафанчика. Ткань угрожающе затрещала, но выдержала, и Вика затаилась, боясь пошевелиться. Тяжелые шаги глухо протопали мимо. Она подождала еще немного и тихо проскользнула во двор.

Катя с опухшими, покрасневшими от слез глазами, сидела на верхней ступеньке крыльца, тяжело уронив руки и глядя в одну точку. У ног ее сидела рыжая собачонка, пре-

данно глядя на свою хозяйку. Выражение лица женщины поразило Вику: оно было несчастным, и в то же время резкая складка углу рта и глубокая поперечная морщинка на лбу делали его упрямым и решительным.

Девушка подошла ближе и уселась рядом. Прикоснуться к Кате она не решилась, а та, казалось, не замечала постороннего присутствия. Но это только казалось, потому то минуту спустя Вика услышала тихое:

– Ты все слышала?

Врать было бессмысленно и Вика покаянно кивнула.

– Прости, я не нарочно, – извинилась она.

– Ерунда, вся деревня знает, что у нас творится. И ты узнала бы рано или поздно. Лучше уж из первых рук, чем слушать сплетни.

– Стерва эта Эмма, – высказала Вика свое мнение.

– Еще какая, – усмехнулась Катя в ответ.

– А ты это всерьез, ну... насчет приворота?

– Конечно. Все говорят, что она колдовством промышляет. Видела бы ты ее сад...

Продолжать Катя не стала и Вика так и не узнала, что она имела в виду.

– А ты не пыталась поговорить с ней? – спросила Вика.

Катя отрицательно покачала головой, не глядя на девушку.

– Но почему? Возможно, это помогло бы.

– Не знаю. Эта зараза вцепилась в моего мужика, как репей в собачий хвост. Еще бы, ведь он на двенадцать лет ее моложе.

Вика присвистнула.

– Ну да. Самой в могилу пора, а туда же, любовь крутит, вешалка старая.

– А сколько ей?

– Да уж сильно за сорок. Сорок пять – баба ягодка опять. – Катя опять усмехнулась. – Оно бы и ладно, только Косте моему всего тридцать. Он и меня моложе на три года. Видать, тянет его к бабам постарше. А я-то, дура, мучалась, боялась, что он лишнюю морщину у меня заметит. Даже ребенка родить не решилась, чтобы фигуру не испортить. И вот на тебе, появилась эта фря – и привет.

– Она в самом деле богатая?

– Да уж побогаче меня будет. Она поселилась в Константиновке лет пять назад, на окраине, в доме возле кладбища. А три года назад, когда Гаевская собиралась отдать богу душу, выкупила у той дом. Гаевская, не будь дурой, получив денежки, поставила условие, что будет жить в доме до самой своей смерти. Эмма согласилась. Только Гаевская вдруг взяла, да и передумала помирать. Осталась Эмма с носом. – Катя злорадно улыбнулась.

Усмехнулась и Вика. Неведомая Эмма не вызывала у нее симпатий. Кому понравится тетка, ворующая чужих мужей, да еще, если верить Кате, нечестными способами?

– А зачем Эмме понадобился именно этот дом?

– Как зачем? Дом хороший, большой. Участок, опять же, огромный. Он и тогда стоил немало, а теперь его цена увеличилась в два, а то и в три раза. Эмма, если можно так выразиться, разбогатела до неприличия.

– То есть, разбогатела бы, если бы Гаевская умерла... – задумчиво проговорила Вика. – Но она жива и это ломает все планы Эммы.

Катя посмотрела на Вику с изумлением. Было видно, что об этом она не думала и явно была поражена таким открытием. Яркий румянец снова залил ее щеки и шею, пухлый рот слегка приоткрылся. Некоторое время она молчала, словно что-то обдумывая, потом тряхнула густыми волосами, отгоняя непрошенные мысли и спросила совсем о другом:

– Ты зачем приходила-то? Просто поболтать или по делу?

– По делу, – призналась Вика. – Слышала про Софью?

– Еще бы мне не слышать. – Катя усмехнулась. – Как только из города вернулась, Карпыч уже тут как тут, под дверью караулит.

– А ты-то ему зачем? Тебя же в доме не было?

– Ну, ночью же я была. Кроме того, соседи мы – это раз, – она принялась по-детски загибать пальцы, – могла что-то слышать. Потом, работаю я у нее – могла что-то видеть. Ну и так, для формальности. На самом-то деле он не особенно усердствовал. Сразу сказал, что это несчастный случай. Эй, ты чего брови-то насупила? Или сомневаешься?

– Угадала. Сомневаюсь.

– Вон оно что... – протянула Катя. – И откуда ж твои сомнения? Ты не обижайся, но если уж Карпыч ничего не нарыл, значит, и впрямь несчастный случай. Он мужик ответственный.

– Я и не спорю. Только я там была и нашла кое-чего. Нечто, меняющее все дело.

Катя растерянно похлопала глазами.

– А чего ж Карпычу не отдала? Как ты вообще туда попала?

– Случайно, – отмахнулась Вика. – Помнишь, я тебе ночью говорила, что слышала крик? Так вот, он мне покоя не давал. А тут смотрю, милиция возле дома и охраны у ворот никакой. Я и просочилась.

– Ясно. Ты молодец. Я бы побоялась соваться.

– А чего бояться? Сама же говоришь – несчастный случай.

– Но ты-то так не думаешь?

– Не думаю. Это все из-за зонта.

– Какого еще зонта?

– Обыкновенного. От солнца. Он в пруду, в камышах запутался. Я его хорошо разглядела, уверена, его в воду ночью уронили, иначе бы намок сильно, а так – только наполовину. Вот и получается, что Софья среди ночи с чужим зонтом по бережку прогуливалась, а тут ее бац – и в воду.

– Господи, бред какой-то. Зачем ей ночью зонт? На такое только сама Гаевская способна, она со своими зонтиками никогда не расстанется, да только она по ночам из дома нос не высовывает, уж можешь мне поверить.

– А я и не говорю, что это была Гаевская. Только тот, кто Софью убил, этого не знал. Перепутал в потемках. Я думаю, Софью этим самым зонтом пырнули, а только потом в воду сунули.

– Страсти ты какие говоришь, – ужаснулась Катя. – Да быть такого не может.

– Может. Я рану видела. И еще кое-что. На кончике зонта – ты не обращала внимания, какой он острый и длинный? – остались следы крови, ее водой до конца не смыло, потому что на ручечке есть такие бороздки глубокие.

– Знаешь, даже в голове не укладывается, – прошептала Катя, нахмурившись. – Кому понадобилось убивать Гаевскую? Ты думаешь...

Катя взглянула на Вику с затаенным страхом, но девушка, поняв, о чем она, только покачала головой.

– Об Эмме я ничего не знала. У меня другие подозреваемые. Вот скажи, раньше все эти деятели Гаевскую навещали?

– Да никогда, – заявила Катя уверенно.

– Вот видишь! С чего это они вдруг все заявили. Да еще эту Софью с собой притащили?

Катя не торопилась с ответом, покусывая нижнюю губу. Вика догадалась, что женщина о чем-то догадывается, но не была уверена, что та решится сказать ей, в-сущности, постороннему человеку, о том, что знает.

Она и не сказала. Помолчав немного, она проговорила:

– Знаешь что, мне надо подумать. Давай мы с тобой потом поговорим. Скажем, завтра утром. Потерпишь?

– А что мне остается? – Пошутила Вика. Она собиралась еще кое-что добавить, но тут спокойно лежавшая у Катиных ног собачонка встрепенулась и с громким лаем бросилась к забору.

– Ну, все, все, смелый охранник, рассекретил, – пророкотал хорошо поставленный бас. Скрипнула калитка и из-за пышного куста сирени, как из-за занавеса, выплыл господин Двуреченский.

Лицо Вики помимо воли вытянулось. Кому как не ей было знать, как хорошо слышно по ту сторону забора все, о чем говорится во дворе. А ей совсем не хотелось, чтобы кто-то еще знал о том, что она заинтересовалась этим "несчастливым случаем". В том, что Двуреченский слышал если и не все, то многое, Вика ни минуты не сомневалась. Интерес, который он не сумел или не захотел скрыть, ясно читался у него на лице, по которому блуждала двусмысленная, какая-то неприятная ухмылка. Тем не менее, режиссер ни слова не сказал о том, что слышал. Он заговорил, будто оправдываясь, включив на полную мощность свое обаяние:

– Простите, если помешал, но я явился с извинениями!

– Извиняться? С какой стати? – Спросила Катя весьма недружелюбно.

– Да вот, обидел хорошую девушку, хоть и не нарочно, – повинился он, не обращая внимания на холодный тон Катиного голоса. – Вы простите меня, Викуша? Я думал об этом с самого утра и искал вас, чтобы загладить свою вину, а тут шел мимо и услышал ваш милый голос. Каюсь, не мог не воспользоваться случаем. И вот я здесь.

– За что мне вас прощать? – Деланно удивилась девушка. Досада из-за утренней сцены в саду еще не выветрилась.

– Ну как же, я ведь видел вас в саду и не подошел, не спросил зачем вы пожаловали. Стыдно.

– Ах, вот вы о чем. Пустое, Григорий Данилович. Не стоит извиняться. Не такие уж мы с вами близкие знакомые.

– Да нет. Извиняться как раз стоит, милая барышня. Я привык признавать свои ошибки и сейчас признаюсь, что очень раскаиваюсь. Оправдание мне может быть только одно: вся эта страшная история с Софи, такая нелепая и ужасная. Она всегда была чересчур экстравагантна, как все творческие люди, но такая неосторожность – это слишком даже для нее. Понесло же ее к пруду в такую пору, – он сокрушенно покачал головой, а Вика пыталась решить врет он или говорит искренне.

Двуреченский определенно нервничал: он достал из кармана слегка смятую пачку «Парламента», вытащил сигарету и, зажав ее красивыми губами, щелкнул изящной золотой зажигалкой, инкрустированной агатом. Пламя вспыхнуло только со второго раза.

Глубоко затянувшись, Двуреченский спрятал эксклюзивную зажигалку в нагрудный карман.

"И чего это его так колбасит?" – подумала Вика, поглядывая в сторону режиссера с боязливым интересом.

– Ну что же, Вика, вы прощаете меня? – Спросил он, изображая отчаяние.

– Я и не сердилась.

– Вот спасибо!

Двуреченский шагнул к ней и попытался взять за руку, но девушка ловко увернулась, постаравшись сделать это как можно более незаметно.

– В знак примирения я прошу вас, моя дорогая, провести этот вечер в моем обществе. Вы не против? Завтра я уезжаю, впрочем, как и мои друзья, так что у меня слишком мало времени, чтобы узнать вас поближе.

Вот чего-чего, а близкого знакомства со старым ловеласом Вика желала меньше всего. Конечно, он именитый режиссер и все такое, но ей-то какое дело? Не нравится он ей – и все тут.

– Простите, не могу, Григорий Данилович, у меня сегодня дела, – вежливо ответила она. – Спасибо за приглашение. Возможно, в другой раз?

– Вы думаете, он у вас будет? – спросил режиссер со странной интонацией. Вика удивленно вскинула брови, но лицо Двуреченского оставалось слащаво-вежливым. Тем не менее его слова прозвучали как скрытая угроза.

Вика невольно отступила к колодцу. Оттуда неожиданно пахнуло ледяным холодом и девушка поежилась. Двуреченский направился было за ней следом, но тут неожиданно на помощь пришла Катя.

Она окликнула режиссера:

– Григорий Данилович, вы мне автограф не оставите? Всегда мечтала получить, а вы вряд ли еще когда в наших краях будете.

Двуреченский попался на удочку и притормозил, давая Вике возможность скрыться. Она бросила благодарный взгляд своей спасительнице и чуть ли не бегом бросилась к калитке. Двуреченский, не в силах отказать поклоннице своего таланта, нетерпеливо щелкнул авторучкой, провожая беглянку задумчивым взглядом.

Глава 6

Не уверенная в том, что Двуреченский прекратит охоту на нее, Вика благоразумно отказалась от вечернего купания. В своем дворе она чувствовала себя в безопасности, к тому же совсем рядом была Катя, которая в случае чего пришла бы ей на помощь, а на пустынном пляже еще неизвестно чем могла бы обернуться встреча с чересчур ретивым поклонником. Да и был ли он поклонником вообще? Или просто притворялся, преследуя совсем иные цели? Об этих самых – других – целях размышлять Вике было боязно. Что, если Двуреченский только разыгрывает внезапно вспыхнувшую страсть, а на самом деле является тем самым убийцей, который теперь знает, что она, Вика, идет по его следу? От таких мыслей идти на пляж окончательно расхотелось, хотя было обидно: вторые сутки на природе, а она еще и реки толком не видела. Да, отдых пока что превращался в нечто непонятное. Вместо того, чтобы набираться сил, она только и делает, что шныряет по кустам, выслеживая неведомого преступника. Ну да ладно, завтра она сбегает на речку рано утром, а потом поговорит с Катей и, вооруженная фактами, отправится к Федору Карповичу, чтобы передать в его умелые руки нити расследования.

Тогда она и отдохнет вволю, тем более, что Двуреченский пообещал свой скорый отъезд.

В этом деле – размышляла Вика, поедая бутерброд с сыром и толстым ломтем вареной колбасы – слишком много подозреваемых. Действительно слишком. Трое гостей Гаевской, да еще эта неведомая Эмма, у которой оказался превосходный мотив, хотя непонятно, как она могла проникнуть за ограду, если она под током. Вика не успела рассказать Кате о том, что обнаружила у пруда место, где находился в засаде человек и позабыла расспросить ее о портсигаре – важной с ее точки зрения улике. Портсигар вовсе не означал, что "наблюдатель" был мужчиной. Женщины также пользуются портсигарами, тем более, что вещица выглядела весьма изящной, а сигареты в ней были скорее женскими. Впрочем, бог с ней, с Эммой. Был и еще один подозреваемый – муж Кати, Константин. Она-то надеялась, что разговор с соседкой развеет ее подозрения относительно этого человека, дав ей в руки улики против гостей престарелой актрисы. Однако, вышло все по-другому. Как ни старалась Вика отмахнуться от очевидных фактов, но улики против Кости так и лезли в глаза. К его позднему возвращению добавился великолепный и весомый мотив. Если Эмма была его любовницей и он, возможно, собирался на ней жениться – а для чего иначе требовать развода? – то ее материальное положение не могло его не волновать. Тем более такой жирный кусок, как эта усадьба, которую Эмма из-за неожиданной живучести старухи никак не могла прибрать к рукам.

«Дьявол, так я никогда не докопаюсь до истины!» – рассерженно подумала Вика и запихнула в рот остаток бутерброда. Он оказался слишком велик и она смогла прожевать его только наполовину. Не до конца прожеванный кусок тяжело свалился в желудок и Вика поморщилась от неприятных ощущений. Пора завязывать с сухомыткой, так, чего доброго, и до язвы желудка недалеко, или что там бывает от неправильного питания?

Чтобы не проспять утреннее купание, которое Вика решила непременно осуществить, она улеглась спать пораньше. За окном еще не до конца стемнело и, возможно, это помогло ей быстро уснуть. В темноте страхи прошлой ночи вполне могли вернуться, а Вика уже устала от многочисленных приключений.

Она проснулась от... тишины. Поначалу, еще не открывая глаз, она решила, что все еще видит сон и только потом обнаружила, что не слышит ни звука. Нет, понятное дело, что она не ожидала услышать рев автострады под своим окном, уже привыкнув к тому, что находится в деревенском доме. Но даже здесь, даже глубокой ночью существовали какие-то

звуки, звон цикады, например или шелест листьев. Так вот, ничего этого не было. Зато было стойкое ощущение, что ее кто-то разглядывает.

Осторожно приоткрыв один глаз, она скосила его в сторону, пытаясь обнаружить наблюдателя. Тщетно. В комнате, насколько она могла видеть одним глазом, никого не было. Кто же тогда пялился на нее, скажите на милость?

Не то, чтобы она очень уж испугалась. В привидения она совсем не верила, а кто еще может смотреть на нее, если совсем никого не видно. Оставалось признать, что это вновь расшалились нервы.

Нет, но ведь она же точно чувствовала на себе чужой взгляд! Кстати, сейчас это ощущение прошло.

Вика села на кровати, подтянув колени к подбородку. Старые пружины под ней жалобно скрипнули. Вика уставилась в окно – прямоугольник цвета индиго на фоне абсолютной черноты ее комнаты. Было душно. Она не могла различить в темноте на часах, сколько сейчас времени, но, судя по тому, что сна не было ни в одном глазу, она успела проспать довольно долго. Девушка попыталась припомнить, во сколько светает в июле месяце. Она как раз занималась подсчетами, когда услышала, что в сениях кто-то ходит. Точнее, не ходит, а крадется, медленно и осторожно ступая на цыпочках. Вот скрипнула тоненько одна половица, немного погодя откликнулась другая. Вика съежилась, трясаясь от внезапно охватившего ее страха. Господи, сейчас она отчетливо вспомнила, что перед сном забыла запереть дверь! Гадай теперь, какой злодей собрался воспользоваться ее беспечностью.

Она попыталась заставить себя набраться мужества, подняться с кровати и встретить врага лицом к лицу. Как бы не так. Ее онемевшее от страха тело напрочь отказывалось повиноваться, предпочитая сидеть, закутавшись в одеяло и стучать зубами.

Неожиданно шаги в сениях стихли. Вика прождала довольно долго, но так и не услышала больше ни звука. Неужели ей показалось? Или таинственный гость выбрался на крыльцо? Захваченная этой мыслью, Вика, точно подброшенная пружиной, подскочила на кровати и расплющилась об оконное стекло. Теперь-то она узнает, кто пугает ее по ночам. Крыльцо было пустым. Не то, что человека, даже тени его не было видно. Долго собиралась, – укорила себя она, – злоумышленник оказался проворнее и давным-давно скрылся.

Вика немного отодвинулась от окна и уставилась в сад. На небе светила полная луна и поблескивало несколько звезд. Не так чтобы очень много, потому что часть из них скрывали легкие серые облака. Вика удивилась тому, как обострилось ее ночное зрение. От страха, не иначе. Раньше она не замечала за собой способности видеть в темноте. А сейчас – пожалуйста. Вот, например, на старой липе возле забора, прямо напротив окна, сидят две какие-то птицы. Девушка ясно различала две круглые, склоненные друг к другу башки, как будто птицы о чем-то беседовали друг с другом. Стоп. Какие птицы могут быть ночью? Это же ерунда. Птицы по ночам спят. Да, только не эти. Одна из них вытянула шею и завертела головой, как будто пыталась разглядеть что-то конкретное. Птичья голова двигалась неприятно, как будто была на шарнирах, но еще более неприятным оказался желтоватый свет двух круглых глаз. К первой паре присоединилась вторая. Обе птицы – теперь Вика сообразила, что это филины – уставились прямо на нее и неподвижно застыли на своей ветке.

Вика отшатнулась, как будто испугалась, что они ее заметят. Она не сразу поняла, как глупо выглядит. Сердце стучало гулко и болезненно, словно она увидела не двух ночных птиц, а монстра какого-нибудь. Хотя появление сов казалось ей странным. По ее понятиям совы или филины – она так и не разобралась, кто именно – живут в дремучем лесу. Ничего подобного поблизости не было. Так, вполне безобидная березовая рощица, переходящая в густой, правда, но тоже вполне безобидный лес. Филинам там не место. (Или все-таки совам?) Вика вновь глянула в окно. Птицы никуда не исчезли, только одна из них зажмурила глаза. Зато другая продолжала пялиться за двоих.

«Ну и черт с тобой, – сказала Вика филину, – можешь тарашиться сколько влезет, в дом тебе все равно не попасть». Чтобы быть уверенной в этом до конца, Вика немедленно вскочила с кровати и босиком пробежала в сени, чтобы запереть дверь на засов. Это удалось сделать с третьей попытки, так как засов никак не удавалось нащарить в темноте. Когда он наконец с лязганьем вошел в пазы, девушка вздохнула с облегчением и привалилась к шершавой деревянной двери, чтобы отдышаться. Никогда! Никогда больше она не ляжет спать, не проверив запор на двери! Пообещав себе это, она, наконец, успокоилась и прошлепала к кровати и, демонстративно не глядя в окно, улеглась спать. Она думала, что промается бессоницей до утра, но сразу же заснула. Ей снились филины, которые, ухая, кружились над головой, и еще почему-то – Федор Карпович верхом на помеле, который грозил ей кулаком и мерзко хихикал.

* * *

Вика, как и собиралась, проснулась на рассвете. То есть, на рассвете – с ее точки зрения. Деревенские к семи утра, да еще в летнюю пору, успевали переделать кучу дел: и огород полить, и скотину на пастбище выгнать – у кого есть – и завтрак на всю семью приготовить. Но Вика всего этого не знала и чувствовала себя прямо-таки героиней. Сладко потянувшись, она взглянула в окно и, увидев то самое дерево, моментально вспомнила о своих ночных гостях. Но сейчас, когда солнце не оставило снаружи ни одного темного уголка, даже совы (или все ж таки филины?) не могли испортить ей настроения.

Купаться! Вот чего она хотела. Легкое беспокойство доставила лишь мысль о том, что накануне вечером, простирнув купальник, она оставила его сушиться на крыльце, прямо на натянутой между столбов веревочке. Совы вряд ли польстились бы на пеструю тряпочку, а вот тот, чьи шаги в сених перепугали ее до полусмерти, вполне мог оказаться обычным вором, и тогда плакала ее обновка. Конечно, у нее есть с собой запасной – старый – купальник и от купания отказываться не придется, но это было бы совсем не то...

Купальник оказался на месте. Точнее, не совсем на месте: на веревочке он не висел, а валялся жалкой кучкой на крыльце под перилами, видимо, сорванный порывом ветра, но он не исчез и это радовало.

Чтобы не терять даром времени, Вика решила позавтракать позднее, когда вернется с пляжа и, подхватив купальник с пола, натянула его на себя в считанные секунды.

Острая боль обожгла ее грудь совершенно неожиданно. Вика не ожидала подвоха и громко вскрикнула. Оттянув лайкру на груди обеими руками, она, наклонившись, принялась трясти верх купальника, жалобно повизгивая. От ее манипуляций на пол шлепнулось что-то жирное и извивающееся, похожее на мохнатого червяка. Прижав горящее огнем место ладонью, Вика наклонилась над полом, с испуганным любопытством разглядывая свернувшуюся в кольцо тварь.

Насекомое напоминало гусеницу, только какую-то необычную: довольно крупную, с торчащими во все стороны щетинками и угрожающе топорщащимися рогами в... как бы это выразиться... задней части жирного тельца. Вика подавила желание немедленно раздавить обидчицу ногой и вместо этого запихнула кусачую заразу в стеклянную банку и поставила на окно подальше от своей кровати. Позднее она собиралась спросить кого-нибудь, что за тварь ее покусала, до сих пор кусачих гусениц ей встречать не доводилось.

«Вот тебе и отдых на природе», – думала она, шагая по своему заросшему травой участку в сторону пляжа. Вика хмурила брови, пытаясь отогнать настойчивое желание прекратить все это немедленно, а именно – покидать шмотки в чемодан и убраться из этого злополучного места к чертям собачьим в город, который теперь, после всех свалившихся на нее проблем, казался ей воплощением спокойствия и стабильности. Ну ладно бы еще труп,

шастающие по ее дому незнакомцы и лупоглазые совы-филины, так ведь даже гусеницы здесь оказались кусачими. Вон как чешется и зудит место укуса. Просто вампир какой-то, а не гусеница.

Возле реки Вика немного отошла, желание сбежать стало не таким острым. Она вышла через заднюю калитку прямо к мосту, но не стала переходить его, чтобы попасть на узкую песчаную полосу пляжа. Со своей стороны ей показалось уютнее. Здесь заросли ивняка спускались по травянистому косогору к самой кромке воды, оставляя небольшую полянку, покрытую изумрудной травкой – как раз достаточную, чтобы улечься с полным комфортом. Пахло ивой и мокрым песком. Тихо покачивался тростник, вокруг которого танцевали голубые и зеленые стрекозы.

От любопытных глаз ее защищали густые заросли, разглядеть ее можно было только с противоположного берега, но там – насколько хватало глаз – не было ни души. Красота! Хоть голышом загорай, право слово.

Рисковать Вика, конечно, не стала, ей и в купальнике совсем неплохо. Расстелив на траве большое полотенце в ярких бабочках, она с блаженством вытянулась во весь рост. Если бы не зудящая ранка, то она чувствовала бы себя совершенно счастливой. Ни читать, ни разгадывать специально захваченный кроссворд ей не хотелось, хотелось просто валяться на траве и бездельничать. Вика поймала себя на том, что позволяет себе подобное впервые за последние пару лет.

Солнце стало припекать весьма ощутимо. Вика решила, что пришла пора искупаться. Вода оказалась приятно прохладной и девушка с полчаса плескалась в воде в свое удовольствие. Ее блаженное одиночество по-прежнему нарушали одни лишь стрекозы, которые вконец обнаглели и кружили теперь прямо у нее над головой.

Боясь обгореть – а с ней это случалось достаточно регулярно – Вика пообещала себе, что поваляется еще с полчаса и отправится домой. Впереди у нее еще целых три восхитительных недели, успеет еще загореть.

Солнце сильно слепило глаза и она прикрыла их, слушая плеск волны о песчаный берег.

Шагов она так и не услышала. Когда удушливо воняющая тряпка опустилась ей на лицо, девушка только слабо дернулась пару раз и почти в тот же миг потеряла сознание.

Глава 7

Вика попыталась открыть глаза и почувствовала, что это простое действие неожиданно требует от нее колоссальных усилий. Веки почему-то опухли и стали удивительно тяжелыми. Голова кружилась, даже несмотря на то, что Вика лежала, в ушах стоял непрерывный гул непонятного происхождения.

"Что это со мной?" – подумала девушка, но мысли текли как-то вяло, по большому счету ей было почти все равно где она и что с ней происходит. Ей было очень плохо, тело почему-то жгло, как раскаленным железом.

Она все же заставила себя открыть глаза, потому, что почувствовала, как что-то ползет по ее щеке. Это был слепень, жирный и наглый. Его не испугал взмах ее ресниц. Тонкие волосатые лапки противно скребли по коже, когда он деловито ползал по лицу девушки, подыскивая, куда бы вонзить свое жало. Понимая, что он сейчас ее укусит, Вика попыталась смахнуть слепня и с удивлением обнаружила, что рука ее не слушается. Она смогла только слегка приподнять ее и тут же бессильно уронила обратно.

Вика сглотнула и почувствовала, как щиплет пересохшее горло. Да что за черт? Почему она такая беспомощная? Скосив глаза, она увидела, что по-прежнему лежит на берегу реки. Прямо над ней, высоко-высоко в безоблачном, жестоко-голубом небе сияет солнце, а ее тело цветом напоминает вареную свеклу.

«Что я здесь делаю? Как могло такое случиться? Я обуглилась как стейк на гриле и почти ничего не соображаю. Почему? Неужели я заснула? Бред». Откуда-то издалека приползло воспоминание, точнее, это было ощущение чего-то неприятного. Вика заставила себя напрячь потекшие мозги и вспомнила отвратительный запах, который вырубил ее в одно мгновение. О, черт, так это не просто так? Вика испугалась. Она понимала, что у нее солнечный удар и сильные ожоги, как ни пыталась, она не смогла даже сесть, не говоря уже о том, чтобы добраться до дома. Если бы она не очнулась сейчас и пролежала бы на солнце еще немного, кто знает, чем бы это закончилось. Кажется, от солнечного удара можно умереть. И никто бы не подумал о предумышленном убийстве. Федор Карпыч наверняка решил бы, что горожанка заснула на солнце, не рассчитав свои силы. Дьявол!

Она, к счастью, жива, но даже сейчас ее положению не позавидуешь. В сознании или без, но она по-прежнему находится на самом солнцепеке, тогда как должна немедленно убраться в тень.

Тень. Вика со стоном повернула голову. Тень была рядом, в каких-то двух шагах, вон под той, изогнувшей к воде ветви, ивой, такая восхитительно-прохладная, свежая, она сулила спасение, но... Вика не могла до нее добраться. Девушка жадно облизнула губы шершавым распухшим языком, который с трудом ворочался во рту и снова сглотнула. Ощущение такое, что она проглотила горсть песка.

Она должна добраться до тени. Чего бы это ни стоило. Должна, если хочет остаться в живых. В висках стучало. От одного взгляда на яркое безоблачное небо кружилась голова. И все же она попыталась. Напрягая все тело, она попробовала двигаться, но все, что ей удалось, это перекатиться со спины на живот, но на этом силы иссякли полностью. К спасительной прохладе она приблизилась всего на полшага и отчетливо понимала, что остальное расстояние преодолеть не в силах. Перед глазами плавали яркие цветные круги, ее сильно тошнило, а тело сотрясал озноб, от которого стучали зубы. Песок царапал живот, как будто с него содрали кожу.

Понимая свое бессилие, девушка уткнулась лбом в песок и жалобно всхлипнула.

– Помогите, кто-нибудь! – прошептала она. – Пожалуйста, помогите!

Сердце в груди билось тяжело и глухо. Пот со лба стекал на глаза и их нещадно щипало. Она снова попыталась позвать на помощь. Тщетно. Теперь уединенность выбранного ей места обернулась против нее. Ей было больно и страшно. И вдруг накатило желание оставить все как есть. Зачем напрягаться, терять последние силы, если ей все равно никто не поможет? Но до чего же глупая смерть ее ожидает. Смерть на пляже. Звучит совершенно по-идиотски, даже для названия второсортного триллера. На пляже люди получают удовольствие, а не умирают. Только у нее, Вики, все не как у людей.

От жалости к себе она заплакала и тут вдруг почувствовала, что на нее упала тень. Поднять голову и посмотреть, что происходит, она не могла и потому решила, что у нее начинаются галлюцинации. Галлюцинации были со звуком, потому что она вдруг услышала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.